

Александр Успенский

На войне. В плену

Сборник

На войне

*Восточная Пруссия — Литва.
1914–1915 гг.*

— Война подобна шахматной игре, — сказал князь Андрей, — только в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно...

Успех на войне зависит от того чувства, которое есть во мне, в нем, в каждом солдате...

Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть.

Л. Н. Толстой. «Война и мир»

I. Мобилизация

1914 год. Июль месяц. Мирная лагерная жизнь 27-й пехотной дивизии (близ станции Подбродзе Виленской губернии) шла своим размеренным темпом, по расписанию, утвержденному

начальством. Вставали в пять часов утра, потому что в шесть часов стреляющая часть уже должна открыть огонь по своим учебным мишеням, а до стрельбища полчаса ходу.

Вообще, тогда занятия были продолжительные и тяжелые и на полигоне, и в окрестностях местечка Подбродзе, в песках под жгучими лучами солнца или под дождем, безотменно.

Хорошо обученная, любимая генералом Ренненкампом, 27-я пехотная дивизия высоко стояла как по стрельбе, так и по строевым успехам.

В субботу, 12 июля¹, 106-й Уфимский полк стрелял на полигоне с шести часов утра до двенадцати часов дня. Я тогда командовал 16-й ротой. Желание Государя Императора, чтобы войска стреляли «отлично», обратилось в строгое требование Командующего войсками (генерала Ренненкампа) округа выбивать на стрельбе много «сверхотличного». Роты, выбивавшие сверхотличную оценку, расхваливались, и их ротные командиры выдвигались по службе, а соревнование в стрельбе между ротами, вообще, поддерживало энергию и дух не только офицеров, но и солдат.

¹ Все даты по старому стилю.

На стрельбище, несмотря иногда на страшную жару, время летело быстро. Успех или неуспех роты при подсчете попавших в мишени пуль самым командиром полка, любимым нами полковником Константином Константиновичем Отрыганьевым (стрельба шла «смотровым» порядком), его похвала или строгое замечание взвинчивали нервы офицеров. Чисто физическое утомление чувствовалось только после окончания стрельбы, когда нужно было возвращаться с ротой со стрельбища в лагерь.

Там нужно сходить в хозяйственную часть полка, получить деньги, письма, посылки в роты; затем — обед в полковом офицерском собрании и после обеда — короткий, прямо мертвецкий сон. В четыре часа вечера уже опять нужно учить роту в поле — очередные по расписанию занятия — до шести-семи часов вечера (а если таковых нет, то ночное учение с одиннадцати часов до двух-трех часов ночи). Вечером, до сна, нужно прочитать приказ по полку, сделать по нему необходимые распоряжения по роте для занятий следующего дня и, наконец, самому поужинать. Раньше одиннадцати часов вечера трудно было лечь спать, а утром с пяти-шести часов уже опять на ногах.

А зимние занятия? Они бывали еще утомительнее, потому что приходилось нести их не только на воздухе, но и в душной казарме;

вкладывать всю душу для обучения молодых солдат, чтобы из простого деревенского неповоротливого, умственно слабо развитого парня сделать воина-бойца, защитника своей Родины.

Зимой обыкновенно было очень много занятий и с ротой, от восьми до двенадцати часов, и офицерских тактических занятий, от часа до трех часов, а после занятий (от трех до шести часов) в ротках нужно вечером, от семи часов иногда до десяти часов вечера, выслушать лекцию офицера Генерального штаба в гарнизонном собрании; так что часто офицеру для своих личных дел не оставалось времени!

Да, как глубоко неправы были разные гг. социалисты, называя тогда нас, офицеров, «дармоедами»! Эти «просветители» народа, пролагавшие путь большевизму, забывали, что почти все новобранцы, взятые из темной, совершенно неграмотной среды, возвращались с военной службы не только грамотными, но и сознательными патриотами, любящими свою Родину!

Эти солдаты на войне с первых же боев доказали на деле всю любовь к Родине, храбро сражаясь и умирая за нее! Я говорю здесь о кадровых солдатах, наших воспитанниках и учениках, а не о той фабричной массе, которую просвещали своей агитацией на погибель России

господа социалисты и Ко... Но продолжаю...

В субботу, 12 июля, вечер я закончил в своем лагерном офицерском собрании. Была репетиция любительского спектакля. Участвовали, под моим режиссерством, полковые дамы, барышни и офицеры. Ставил я «Медведя» и «Предложение» Чехова. Репетиция прошла оживленно, после репетиции очень весело поужинали, и часов в двенадцать ночи проводили мы нашу добрейшую мать-командиршу с дочерьми до ее барака. Крепко заснул я у себя только в первом часу ночи.

Рано утром, часов в пять, раздался громкий стук в двери и крик моего вестового: «Ваше высокоблагородие! Вставайте! Тревога!» И действительно, отчаянные, резкие звуки дежурного горниста неслись по всему лагерю, слышались беготня и крики солдат в разных направлениях.

Я быстро оделся и на бегу к своей роте успел узнать от полкового адъютанта, что дивизия, по телеграмме Военного Министра, должна к завтрашнему утру быть в месте своей штаб-квартиры, то есть в Вильне.

Кем-то оброненное роковое слово «война» начало передаваться из уст в уста, волнуя каким-то особенным, острым, и радостным и, вместе, жутким чувством наши сердца...

Не больше как через десять минут с момента «тревоги» полк уже стоял, готовый к выступлению.

Командир полка поздоровался. Команда: «Смирно! Под знамя слушай на караул!» Блеснули шашки и штыки...

Раздались торжественные и красивые звуки музыки... Полк замер: вдали показалось свышевековое (сотый юбилей полк отпраздновал в 1911 году) знамя, плавно заколыхалось перед рядами полка и стало на свое место впереди знаменной роты...

Сколько раз за свою долгую военную службу я всегда с особым наслаждением любил переживать этот чудный момент отдания чести полковому знамени! Мысленно перед моим взором проносились картины славных боев, где это знамя в течение ста лет водило полк к победам и славе! Невольно задумался я теперь, глядя на него: осенит ли оно полк новыми победами? Или...

Но вот слышится команда старого командира: «К ноге», «На молитву! Шапки долой!» Молчаливая или шепотом произносимая молитва, мелькание крестного знамени двух тысяч рук солдат и офицеров. «Накройсь!», «Полк на плечо!», «Шагом марш!» И под веселые звуки своего полкового марша полк двинулся в путь!

Помню встревоженные лица и личики полковых дам и барышень, выскочивших прямо с постели провожать свой полк. Хорошенькие дочери подполковника Пархоменко наивно кричали мне:

«Александр Арефьевич, а как же наш спектакль?! Когда же следующая репетиция?» Я со смехом крикнул им: «На фронте!» Хотя я сам не отдавал себе отчета, почему я так пошутил? Ведь никто еще точно не знал, будет ли война, и, быть может, просто дивизия вызывается в Вильно ввиду каких-нибудь беспорядков, железнодорожной забастовки и т. п.

Переход из лагеря в Вильно, более пятидесяти верст в один день, был очень тяжелый даже для такого втянутого в марши и крайне выносливого полка, как наш полк, тем более что днем стояла сильная жара. Быстро двигаясь и сделав один большой привал на пару часов, полк с рассветом 14 июля уже входил в Вильно, в свои казармы на Снипишках.

Здесь узнали, что весь огромный гарнизон Вильно прибыл из мест своих лагерей. Потом, значительно позднее, узнал я, что это невероятно быстрое сосредоточение всех гарнизонов пограничных округов России произвело в Германии огромное впечатление. Ведь в это время происходил обмен телеграммами между императорами двух огромных монархий.

В Вильне уже распространились слухи, что будет война, но мало кто этому верил, и жизнь шумного большого города шла своим темпом.

15 июля была получена телеграмма начать

подготовительную мобилизацию, то есть выполнять домашние работы для настоящей мобилизации. От раннего утра до позднего вечера мы работали в полковой канцелярии, цейхгаузах и у себя в ротах. Наконец, 17 июля, поздно вечером, получена была в полку телеграмма начать мобилизацию, первый день считать 31 июля.

Командир полка полковник К. К. Отрыганьев собрал всех офицеров, врачей и чиновников в канцелярии, прочитал телеграмму, роздал нам всем мобилизационные пакеты и, сказав горячую речь о честном выполнении всеми своих обязанностей, поздравил с походом.

Помню вдохновенное выражение его мужественного лица... Торжественные звуки оркестра: «Боже, Царя храни!» Крики: «Ура!» Прощание офицеров 2-го батальона, получившего особое назначение и отправлявшегося на фронт сейчас же (в город Мариамполь).

С получением Высочайшего манифеста о войне с Германией в городе начались патриотические манифестации. Несмотря на национальное и религиозное различия населения, взрыв негодования против Германии, объявившей войну России, был общий. Это доказывали манифестации и шествия по городу с национальными русскими флагами, в которых принимали участие все слои населения.

Война! Сколько раз за время своей службы задумывался я над этим словом! Война — экзамен для каждого офицера, проверка всех военных знаний, приобретенных им за время своей службы.

Но война с таким серьезным противником, как Германия, об армии которой мы столько прослушали лекций наших офицеров Генерального штаба, а о последнем немецком строевом уставе делал сообщение в полковом собрании я сам. «Вперед на врага, во что бы то ни стало!» — красной нитью идет через всю вторую часть этого устава («Наступление»). Правда, русская армия более ста лет не дралась с немцами, после того, как она взяла Берлин, но те же немцы разбили французскую армию и в Версале продиктовали свой мир!

«Главное, — думал я, — не опозориться, не осрамиться со своей ротой, а умереть — все равно — суждено только один раз, и ведь так красиво умереть за Родину на поле брани! «Нет больше сея любви, как душу свою положить за други своя», — ведь именно эта евангельская фраза самого Иисуса Христа была написана на стене в моей 16-й роте, вокруг киота с ротным образом! А на этом образе изображен был Святой Первомученик архидиакон Стефан, убитый разъяренной толпой язычников за свою проповедь о Христе и, значит, первый положивший душу свою за самого Христа!»

Все эти мысли волновали меня в те дни и во время работ по мобилизации, и по вечерам, когда в городе встречал я шумные манифестации, и дома у себя в редкие часы отдыха.

Мобилизация шла гладко и спокойно. Полностью прибыли на пополнение, до рядов военного времени, запасные солдаты, пополнился конский состав. Каждая рота стала выглядеть, как батальон. Много прибыло сверх штата запасных унтер-офицеров и большинство заслуженных, часто с георгиевскими крестами и медалями за Японскую войну. Как было досадно ставить этих героев старших унтер-офицеров на отделения вместо взводов, а младших унтер-офицеров старшими в звене, а то и просто рядовыми за неимением вакансий!

Кроме того, благодаря необдуманной организации, с объявлением войны должны были идти и пошли в бой полностью все кадровые унтер-офицеры, люди опытные, прекрасно знающие свое дело обучения молодых солдат. И горько вспоминать, что весь этот цвет русской армии, все эти храбрые маленькие начальники погибли в первых же боях.

Конечно, еще более жаль было кадровых офицеров, особенно ротных командиров и младших офицеров, которые являлись ближайшими воспитателями и учителями армии. Они выступили

с начала войны буквально все (по четыре-пять человек на роту) и в первые же месяцы войны были перебиты, тяжело ранены или попали в плен. И очень, очень скоро, уже с начала 1915 г., армия стала пополняться на фронте и в тылу не настоящими офицерами, а прапорщиками, то есть молодежью, совершенно неопытную в военном деле, а главное, по своему духу, в большинстве случаев, противниками всего военного; кроме того, некоторые из них были заражены теоретической утопией социализма и, конечно, разлагающе действовали на психику солдат.

Не та организация была у немцев. В первых боях и далее у них участвовали только четверть всех кадровых офицеров и унтер-офицеров, а три четверти в строю были запасные. Остальные три четверти кадровых офицеров и унтер-офицеров несли дома трудную работу по подготовке частей к бою.

Славные загорелые лица запасных, прибывших в мою роту, мне нравились. Большинство из них были трезвые, опрятные хлебопашцы, а не фабричные заводские, тронутые пропагандой и кабацкой «культурой». Ознакомиться со всеми ими так близко, как знал я своих солдат, не было теперь возможности. Настроение у солдат было бодрое. Более скучно и задумчиво вели себя еврейчики.

Со своей 16-й ротой я сжился очень хорошо, командовав ею уже пятый год. На войну рота шла в составе двухсот сорока нижних чинов при трех младших офицерах: поручик Кульдвер, поручик Бадзен и подпоручик Врублевский. Все трое прекрасные строевые офицеры. Фельдфебель был сверхсрочной службы подпрапорщик Нагулевич — необыкновенной расторопности.

На должности взводных командиров в роте были: один сверхсрочный подпрапорщик Карпенко (1-й взвод), старшие унтер-офицеры: Афанасьев (2-й взвод), Калинин (3-й взвод) и Комаров (4-й взвод); все — мои воспитанники с момента поступления их в роту; поэтому и я их отлично знал, и они мои служебные требования понимали быстро; а требования, предъявляемые в то время начальством к ротным командирам относительно подготовки роты к бою, были очень велики.

Командующим округа был тогда генерал-адъютант Ренненкампф — «желтая опасность», как его прозвали офицеры: он носил желтые лампасы и мундир Забайкальского казачьего войска, пожалованный ему за боевые отличия; ну а «опасным» он был вследствие своего крутого характера.

Еще будучи нашим корпусным командиром, он высоко поднял боевую подготовку 3-го армейского корпуса: постоянными маневрами,

пробными мобилизациями, кавалерийскими состязаниями, боевой стрельбой с маневрированием даже в морозы, состязаниями в походном движении и т. п., причем войска всегда видели его среди себя на коне, несмотря ни на какую погоду, красивым, «лихим», простым в обращении! Заканчивая состязания между ротами на наступление, генерал Ренненкампф отличившегося командира роты называл «королем наступления», а командира, рота которого выбивала наибольший процент сверх «отличного» — «королем стрельбы»!

Сколько проделано было в лагерное и зимнее время таких «наступлений» и «оборон» и днем, и ночью, и на учениях, и на смотрах против обозначенного противника! Сколько раз моя рота стреляла по мишеням в близкой к бою обстановке, и стреляла почти всегда «отлично», а последние три года подряд «отлично», а таких рот в полку было только три! «И вот, — думал я, — предстоит теперь последний «смотр» в настоящем бою с могучим противником!» Бодро и весело, как-то особенно старательно распоряжались во время мобилизации, исполняли мои приказания и вообще вели себя мои унтер-офицеры, все эти мои любимые из любимых солдат, мною поставленные маленькие начальники, в огромном значении коих на войне я крепко убедился в первых же боях.

Вот, наконец, последний день мобилизации.

Полк, более 3 500 штыков, с развернутым полковым знаменем, в составе четырех батальонов четырехротного состава каждый, при пулеметной команде (восемь пулеметов), роте службы связи и полковом оркестре, выстроился на Снипишской площади «покоем» для напутственного «на брань» молебна.

Люди в полном походном снаряжении, вещевые мешки солдат с полной выкладкой, патронные сумки, полные патронов, кроме ротных патронных двуколок.

Состав офицеров полный, то есть семьдесят пять человек. Командиры батальонов и рот — верхом.

Не могу забыть, как в это время явился на службу из отставки славный поручик Н. Н. Нечаев, пулеметчик, ушедший из полка год тому назад вследствие потери одного глаза, совершенно выбитого от взрыва ракеты (несчастный случай). Разрешение одноглазому офицеру вступить в ряды родного полка было дано не сразу, а по особому ходатайству командира полка. Каким огнем любви к родине горел этот выдающийся офицер, впоследствии во время боев сражавшийся и умерший настоящим героем! Вечная ему память!

В это же время подал прошение на Высочайшее имя о принятии его вновь на службу в полк отставной полковник

А. Н. Соловьев, прослуживший в нашем полку непрерывно тридцать шесть лет! Он прибыл на фронт уже в конце 1914 года.

Командный состав полка, выступившего на войну, был следующий:

Командир полка, всеми нами любимый и глубокоуважаемый полковник Константин Константинович Отрыганьев.

Командир 1-го батальона — георгиевский кавалер, участник Японской войны — подполковник Борзинский.

Командир 2-го батальона — подполковник Сацукевич.

Командир 3-го батальона — подполковник Симоненко, георгиевский кавалер Японской войны.

Командир 4-го батальона — подполковник Красиков, переведенный из 105-го Оренбургского полка.

Начальник хозяйственной части — подполковник Войсеховский.

Подполковники Байков и Гензель — при штабе корпуса.

Полковой адъютант — штабс-капитан Цихоцкий.

Командиры рот:

1-й — капитан Епикацера.

2-й — капитан Пясецкий.

3-й — капитан Кемпинский.

- 4-й — капитан Комарницкий.
- 5-й — капитан Пузиновский.
- 6-й — капитан Гарныш.
- 7-й — капитан Серебренников.
- 8-й — капитан Костомаров.
- 9-й — капитан Трипецкий.
- 10-й — капитан Цитович.
- 11-й — штабс-капитан Баллод.
- 12-й — капитан Соловьев.
- 13-й — капитан Барыборов.
- 14-й — штабс-капитан Сазонов.
- 15-й — капитан Гедвилло.
- 16-й — капитан Успенский.

Пулеметной команды —
штабс-капитан Страшевич.

Нестроевой роты — штабс-капитан
Приходько.

Проводить полк на войну и помолиться за него явились все семьи и знакомые офицеров, сверхсрочных подпрапорщиков и унтер-офицеров и много народу. На аналое положен принесенный из полковой церкви большой позолоченный образ Святого Великомученика Димитрия Солунского, покровителя 106-го Уфимского полка и образ Уфимской Божией Матери в ризе, чудной работы из жемчуга, поднесенный нашему полку от города Уфы в день сотого юбилея.

Полковой священник, заслуженный

протоиерей отец Василий Васильевич Нименский уже облачился.

Командир полка поздоровался с полком. Команда: «На молитву — шапки долой, певчие перед полк», — и начался молебен.

Много повода для толков и суеверий дало случайное падение полкового образа с аналоя во время молебна, причем разбилось стекло киота. Недобрая примета, в действительности, на войне оказалась для полка роковой!..

Прекрасное слово о мужестве и небоязни смерти произнес наш полковой священник, всеми уважаемый пастырь. При целовании креста он всех офицеров и солдат окропил освященной водой.

Затем горячее слово командира полка, напомнившего о присяге, о любви к царю и Родине, «ура», оркестр играет «Боже, царя храни»! У многих на глазах слезы в эту торжественную минуту. Сейчас же после молебна полк двинулся к вокзалу.

Прощание с семьей. Жена благословила меня и повесила на шею образок Остробрамской Божией Матери, зашитый в ладанке. Я глубоко верю, что с молитвой я спасен был во многих боях. Помню слезы ее и моих трех детей: двух сыновей — кадетов Полоцкого корпуса (каникулы еще не окончились, и они были дома) и дочери — гимназистки пятого класса Виленской Мариинской

гимназии. Как тяжело было с ними расставаться! В последний раз я благословил их, поцеловал жену и дочь, вскочил на коня и догнал роту. Мальчишки мои провожали меня до самого вокзала, идя рядом со мной и с ротой. Я ехал верхом на Янусе — полукровке.

В образцовом порядке совершилась посадка полка в вагоны: ведь столько раз учили мы роты этому в мирное время!

Последнее прощание, последний свисток кондуктора, как эхо — отклик паровоза и... прощай, Вильна — красивая столица Литвы! Прощай, славный город Гедимины, где прошла почти вся моя жизнь: детство, юность и мужество!.. Как в калейдоскопе промелькнули воспоминания: детства, ученья, юнкерства, производства в офицеры, мои увлечения сценой, женщинами, любовь, женитьба, семья, дети... служба...

Что-то дальше будет?! И колеса под вагоном мерно выстукивали, словно повторяя вслух мои мысли: «Что-то будет? что-то будет?» Проехали станцию Ораны, где всегда в буфете можно было скушать необыкновенно вкусные пирожки, а сейчас на этой станции стояли три воинских поезда, ожидая своей очереди отправления, и к буфету трудно было добраться. Из Оран свернули на станцию Артиллерийскую и далее на станцию Симно, куда прибыли 25 июля.

Окрестности Симно были пунктом средоточения всей 27-й дивизии; авангард же (105-й полк) уже занимал в это время город Кальварию, а части кавалерии двинуты были на германскую границу.

Симно — небольшое местечко с красивым озером. Здесь полк выгрузился и расположился по хатам и сараям, причем сейчас же было к западу выслано сторожевое охранение: усиленные заставы и дозоры.

II. Первый бой — Сталупенен

Усиленное патрулирование в сторону немецкой границы продолжилось, но о противнике сведений не поступало, и полк простоял здесь неделю. Эта неделя не пропала даром. Мы усиленно, с утра до вечера, занимались со своими ротами рассыпным строем и полевой службой. Крайне необходимо было «подравнять» боевую подготовку запасных под своих кадровых. А особенно «приналечь» на стрелковые боевые упражнения (с учебными патронами), как наиболее приближающиеся к боевой обстановке, а также на обучение штыковому бою с преодолением препятствий и т. п.

Наконец получен был приказ 1-й армии: 1 августа начать наступление к немецкой границе,

не ожидая концентрации и даже окончания мобилизации некоторых частей, как, например, нашей тяжелой артиллерии, потому-то в первых боях она у нас и не участвовала. Объяснялась такая спешка тем, что в это время на западном фронте немцы обрушились на французов; последние просили нас скорее отвлечь на себя силы немцев.

Таким образом, наша дивизия двумя походными колоннами, с раннего утра 1 августа, двинулась через Кальварию в район южнее Вержболово. Шли три дня, делая по 25–30 верст в день. Конечно, для запасных солдат, отвыкших от походов, путь этот был тяжелый, тем более что, придя на ночлег, многим приходилось не спать, а идти в сторожевое охранение: заставы, посты и дозоры.

Помню эти тревожные ночи, когда, зорко вглядываясь в ночную даль, нервно ожидаешь противника. Мои унтер-офицеры и солдаты шутками и смехом поддерживали бодрость запасных. Поверяя этими ночами свои посты и заставы, я ни разу не находил спящих: все понимали (хотя о противнике точных сведений еще не было) серьезность обстановки.

Наконец, 3 августа, вечером, мы подошли к германской границе и в первый раз услышали справа, вдали, орудийную канонаду: это наша кавалерия вела бой с немцами у Вержболово. Полк

остановился.

Поздно вечером получен был первый боевой приказ: 3-му корпусу четвертого утром, с рассветом, вторгнуться в Пруссию, на юг от Сталупенена. Нашей 27-й дивизии приказано взять местечки Герритен и Допенен. В частности — нашему полку взять Герритен.

Поздно вечером, часу в одиннадцатом, мы, офицеры 4-го батальона, собрались в одной хате и читали этот приказ, отмечая у себя в полевых книжках и на картах направление для атаки каждой роты; роты в это время отдыхали, многие, быть может, последним сном, набирая сил для грозного утра! Настроение у нас, офицеров, было приподнятое, бодрое.

Помню в эту ночь шутки убитого на другой день штабс-капитана Михаила Константиновича Попова. Участник и герой Японской войны, русский всей душой, всегда веселый и остроумный, он органически ненавидел немцев; всегда возмущался их засильем в русской армии, особенно на ее верхах.

Вспоминается по этому поводу случай на смотре в 105-м пехотном Оренбургском полку, когда на вопрос инспектора пехоты генерала Зарубаева: «Кто у тебя начальники?» — солдат начал называть следующие фамилии: «Командующий округом — генерал фон Фрезе.

Корпусной командир — генерал Ренненкампф. Начальник дивизии — генерал-лейтенант Флейшер. Командир бригады — генерал-майор фон Торкрус», — и когда солдат сказал: «Командир полка — полковник Российский», — то генерал воскликнул: «Слава Богу, хоть один есть российский!»

Штабс-капитан Попов не стеснялся где только можно ругать немцев, даже в присутствии командира полка из немцев полковника Беймельбурга. Во время тактических занятий, когда в полковом офицерском собрании собирались все офицеры, он в присутствии того же полковника Беймельбурга читал заранее вырезанные им из «Нового времени» сатирические стихи на немцев или полные сарказма статьи против немцев талантливого Меньшикова. Конечно, это ему не прощалось: Беймельбург не аттестовывал его для командования ротой, несмотря на то, что это был заслуженный офицер, отличившийся в боях с японцами.

Придя в нашу хату, «Мишель» шутя начал пророчествовать, что сулит война каждому из нас. Капитану Барыборову сказал, чтобы тот не ел сейчас так много (тот аппетитно ужинал), потому что, если ранят в живот и желудок переполнен пищей — смерть неминуема! Барыборов засмеялся, но есть перестал. Одному капитану сказал, что

будет генералом и т. д. А когда мы спросили его, что даст война ему, он серьезно сказал: «Деревянный крест, потому что в Японскую войну я не получил его».

Действительно, всего через семь-восемь часов он был первым из офицеров полка убит в бою! Капитан Барыборов был ранен в живот, но выжил. Остальные предсказания его не сбылись, да и не помню их всех.

Некоторые из нас обменялись своими домашними адресами, чтобы скорей дать знать родным офицера в случае смерти последнего. Несмотря на утомление, мало кто из нас спал в эту ночь.

4 августа в четыре часа утра полк поднялся и в полутьме построился в походную колонну. Высланы вперед походные заставы и дозоры. 27-я дивизия двинулась в направлении Будветчен, Герритен и Допенен двумя колоннами: правая — наш 106-й полк, левая — 105-й полк, справа — боковой авангард — 107-й полк с половиной всей артиллерии дивизии; 108-й полк шел сзади в резерве, за левым флангом. Соседняя справа 25-я дивизия держала направление на Сталупенен, а соседняя слева (по заданию) 40-я дивизия застряла где-то сзади далеко, что заставляло сильно беспокоиться штаб дивизии, находившийся в это время в деревне Матлавке.

В таком порядке дивизия переходила границу. Мелькнули пестрые пограничные столбы с двуглавыми русскими и, далее, с одноголавыми немецкими орлами.

Солнце давно поднялось, было часов девять утра. На малом привале офицеры закусывали чем Бог послал; шутили, что уже идут усиленные суточные деньги, так как границу перешли, Россия уже позади.

Солдаты наши с изумлением смотрели на немецкие уютные крестьянские усадьбы с черепичными крышами и красивые шоссе, везде обсаженные фруктовыми деревьями. Удивлялись, что висят фрукты и никто их не трогает! Жителей нигде не было видно, ни одного человека.

И вот, когда наш полк стал спускаться в долину и подходить к деревне Платен, тишина сразу огласилась немецкими орудийными выстрелами, в воздухе над рядами нашего полка начала рваться немецкая шрапнель, а далеко позади и «чемоданы», как мы прозвали снаряды тяжелой артиллерии.

Полк быстро стал переходить из походного движения в боевое. 3-й батальон выслал цепи и быстро продолжал движение вперед. 1-й, 2-й и 4-й батальоны не трогались и стали в резерве. Артиллерия выехала на позицию и открыла огонь, пулеметы тоже. Бой начался.

А утро было такое прекрасное! Яркое солнце, ясное, безоблачное небо, пестрые цветы на лугах, сонное жужжание осы, высокая рожь с васильками, среди которой очутился наш батальон и... режущие звуки шрапнели, свист и вой гранат, звуки летящих пуль, такие ласковые, певучие, тонкие: «ти-и, ти-и...» (а ведь главные потери в бою от них!), «таканье» пулеметов и потрясающие всю окрестность взрывы «чеходанов»! Какой контраст!!!

В этот момент среди полка явился со святым крестом и Евангелием наш полковой священник — престарелый о. Василий Васильевич Нименский. Спешно, спешно прикладывались к святыням православные воины, и каждого он окроплял святой водой, напутствуя ободряющими словами. Ушедшие же вперед цепи он издали осенил святым крестом. Это была невыразимая картина!

Между прочим, в конце боя 4 августа о. Нименский со своим церковником в темноте сбились с дороги, попали в Сталупенен, здесь переночевали, но наутро были захвачены немецким разездом в плен.

Позднее, уже в 1922 году, этот почтенный старый протоиерей не побоялся в Петербурге выступить на политических состязаниях о вере с безбожниками-коммунистами (тогда еще большевики это допускали) и, обладая громадной

научно-духовной эрудицией и ораторским талантом, громил большевиков с полным успехом. О дальнейшей его судьбе не знаю.

Продолжаю.

Приказание — «4-му батальону перейти в наступление левее 3-го батальона». Я рассыпал свою роту в цепь, правее меня — цепи 13-й и 14-й рот, 15-я рота — в резерве.

И вот, как только мы поднялись на гору с тремя соснами и наши цепи открыли огонь по немецким окопам на опушке, немцы засыпали нас ружейным и пулеметным огнем. Здесь произошло внезапное замешательство: упал на самой горе раненный в живот командир 13-й роты капитан Барыборов; послышались стоны и крики еще нескольких раненых солдат. 13-я рота заколебалась, залегла на самой вершине горы, а главное, почти прекратила огонь... и вот, в это время является заместитель выбывшего из строя командира роты, штабс-капитан М. К. Попов.

Как сейчас вижу: выходит «Мишель» вперед перед ротой, берет ружье у ближайшего солдата и громко кричит: «Что вы, братцы, чего испугались? Немца?! Да он сам вас боится! Стреляйте, не прячьтесь! Смелее! Смотрите, вот как надо бить его!» Прикладывается, прицеливается и стреляет стоя. Вся рота как один открывает огонь! И в этот момент немецкие пули поражают героя, и

штабс-капитан Попов, держа ружье наизготовку, падает навзничь как подкошенный. Какая красивая и завидная смерть! Вечная ему память!

Командир батальона подполковник Красиков командует: «Роты, вперед», — и цепи, несмотря на сильный огонь, по нашим командам: «Цепи, вперед, бегом», — быстро двигаются вперед, словно на учении, даже не окапываясь на остановках.

Вспоминаю мое личное впечатление и самочувствие в этот первый момент боевого крещения. Враг не виден, но огонь его ужасен: сверху сыплются осколки рвущейся шрапнели, с каким-то особенным бляением звучащие в воздухе (подполковник Соловьев по этому звуку прозвал их «козодуями»), нежные, жалобные звуки летящих и больше всего разящих пуль, свист и вой гранат, разрывающихся при ударе с особенным треском! Огромные фонтаны земли, камней, песку и дыма от взрыва «чемоданов», крики и стоны раненых, корчи и агония умирающих...

И вот чувство ужаса и страха смерти невольно овладело мною! Мысленно я прощался с жизнью и исступленно молил Бога (вот когда ярко вспыхнула вера!), если на то Божья воля — сразу отнять мою жизнь, чтобы не мучиться тяжелораненым...

Но вот мы перебежали на новую позицию... Нужно скорее открыть огонь, указать взводным цели и напомнить о прицеле, пополнить патроны

и т. д. Значит, предаваться страху некогда, да и чисто эгоистическая мысль, что вот, я остался жив — так Богу угодно, — поддерживает мою бодрость...

Направление, согласно заданию, я дал своей роте на левую опушку деревни Герритен, но у самого Герритена большие проволочные заграждения, волчьи ямы и даже рвы, наполненные водой, остановили нас... Очевидно, немцы, ожидая нас, хорошо приготовились. Много здесь потеряли мы убитыми и ранеными, пока преодолели эти препятствия: ножниц для резки проволоки было в ротах мало.

Но, вообще, наше быстрое продвижение вперед к этим проволочным заграждениям, а главное — фланговое движение и огонь цепей Троицкого полка, заставили немцев бросить свои окопы у Герритена, и наши цепи, преследуя отступающего противника огнем, ворвались в Герритен. Здесь завязался уличный бой. Немцы, не выдержав штыкового боя уфимцев, очищали дома и улочки селения. Фланговый огонь троицких цепей, наступавших с юга в обхват Герритена, довершил наш успех, и Герритен был взят нашим полком.

Как полагается, пробежав селение до его западной, холмистой, опушки, мы залегли и открыли огонь по отступающим немцам. Я

оглянулся назад. Как приятно было сознавать этот первый успех захвата позиции врага! В двенадцать часов тридцать минут было послано донесение о взятии Герритена.

Командир 4-го батальона дает ротам направление вдоль шоссе, для движения далее. Сам подполковник Красиков, скомандовав: «4-й батальон, вперед», — выходит открыто на шоссе среди своего батальона, но в это время немецкая пуля ранит его в ногу. Сделав тут же, при помощи санитаря, скорую перевязку, он не оставляет строя до конца боя.

Немцы в это время особенно усилили огонь своей артиллерии. При нашем дальнейшем наступлении их артиллерия начала стрелять японскими «шимозами», начиненными ужасно противными удушливыми газами с дымом серо-зеленого цвета. В дальнейших боях этих «шимоз» мы не видели.

В это именно время произошла катастрофа со 105-м Оренбургским полком, наступавшим левее нас на Будветчен. Овладевши Будветченом, а также Сансейченом, доблестный командир 105-го полка — полковник Комаров, не имея впереди себя противника, изменил под большим углом направление своего наступления, с целью помочь нашему полку овладеть Герритеном. Этим воспользовались немцы.

Они знали (благодаря своей прекрасной разведке), а полковник Комаров не знал (по вине штаба корпуса), что наша 40-я, соседняя слева, дивизия опоздала на целый переход (двадцать вест), и, таким образом, образовалась пустота. Сюда немцы и двинули, во фланг и тыл 105-му полку, отряд из полка пехоты с пятью батареями и двумя эскадронами.

Первое движение этого отряда полковник Комаров принял за движение нашей, долженствующей здесь быть, 40-й дивизии; так именно он и сказал своему адъютанту на его доклад о движении немцев. «Какие немцы, что вы?! Это же наша 40-я дивизия!» Но когда немцы открыли огонь из своих орудий и пулеметов в тыл и фланг, 105-й полк дрогнул и под страшным близким огнем начал беспорядочно отступать. Командир полка успел крикнуть: «Знамя! Знамя! Спасайте знамя!» — и сам пал, пронзенный пулями пулемета. Знамя успели вынести, но большая часть полка была окружена немцами, потеряв все пулеметы (восемь), и попала в плен.

Необходимо здесь упомянуть следующий факт. Ввиду спешности — в трехдневный срок — мобилизации, 105-й Оренбургский полк при выступлении получил пополнение местными запасными из города Вильно, то есть получил две с половиной тысячи еврейчиков. Командир полка

перед выступлением подал рапорт, что его полк благодаря этому сделался небоеспособным, и действительно, эти еврейчики почти все сдались в плен во время упомянутой катастрофы. Четырнадцать офицеров было убитых, еще более раненых и попавших в плен.

Катастрофа со 105-м полком имела бы роковые последствия для исхода всей Сталупененской операции, потому что паника быстро отступавших оренбургцев начала передаваться по всей линии наступления, цепи дрогнули и, под натиском немцев, местами уже начали отступать, но начальник 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Адариди быстро локализовал этот неуспех: приказано было 108-му Саратовскому полку, стоявшему в резерве у деревни Пемилаукен, восстановить положение левого крыла, а артиллерии сосредоточить огонь против артиллерии противника.

Наши батареи засыпали здесь немцев еще до подхода цепей 108-го полка. Знакомые звуки наших летящих гранат: «Ту-у! ту-у! ту-у!» — как-то особенно радостно щекотали слух, и солдаты моей роты весело заговорили: «Дай, дай им, матушка! Держись теперь, немцы!»

И в следующих боях усиленный огонь своей артиллерии, независимо от результатов его, всегда поднимал настроение пехоты, а молчание наших

пушек прямо подавляло дух ее.

С холма у Депенена мне видно было, как красиво, торжественно, словно на параде, двигались цепи 108-го Саратовского полка, сначала шагом, потом перебежками, вступили в общую линию нашего наступления. Это было уже часов в пять-шесть вечера.

Скоро огонь с обеих сторон по всей линии усилился, немцы особенно упорно «долбили» своей артиллерией отдельные здания — усадьбы и сараи, за которыми по старой маневренной привычке старались накапливаться и укрываться некоторые наши группы. Конечно, здесь несли они огромные потери от точного прицельного огня немецких батарей по этим зданиям; ранения увеличивались от массы осколков и камней, летящих во все стороны при разрушении этих построек, пока они не загорались от огня гранат. Увеличивалось число убитых и раненых в открытом поле.

Как сейчас вижу фигуру командира роты, капитана 99-го Ивангородского полка, раненного в грудь, плечо и бедро. Кровь сочилась у него по всему френчу, его перевязывал ротный санитар индивидуальным пакетиком! Когда, не выдержав страшного огня, кучка ивангородцев начала отходить, капитан поднялся во весь рост со страшной раной на груди — весь окровавленный — и со сверкающими глазами закричал своим

солдатам: «Куда? Ошалели! Где противник? Вон где! Ивангородцы, вперед!»

Один вид и жест этого героя, показывающего окровавленной рукой в сторону немцев, заставил сконфуженных солдат остановиться и повернуться в сторону противника!

При начавшемся беспорядке и отходе некоторых цепей: нашего полка, соседних: 99-го Ивангородского и 100-го Островского, среди цепей неожиданно появился командир 100-го Островского полка полковник Зарин. При помощи ближайших офицеров ему удалось остановить начавшееся отступление, указав этим ротам новую позицию, фронтом к северо-западу, и приказав на этой позиции укрепиться — окопаться.

Быстро вырыты были здесь окопы, и неожиданно наступивший с севера во фланг нам противник, силою не менее батальона, в сомкнутом строю, был встречен нами сильным ружейным огнем и отбит. Очевидно, это была частная попытка немцев развить свой успех, причем при отходе немцев к северу слышны были команды и какой-то красиво звучащий сигнал (на рожке).

Именно здесь, когда совершенно стемнело, свои отходившие цепи были приняты за немцев и открыт был по ним огонь, который с трудом удалось нам остановить. Крики, ругань: «Свои! Свои! Черти, не стреляйте!» — не сразу были

услышаны. По счастью, благодаря темноте и нервной стрельбе никто не пострадал.

Врачебная помощь в первом нашем бою оказалась очень слабой; перевязочные пункты были далеко, санитаров с носилками для переноски раненых совершенно не было видно.

Не могу забыть некоторых тяжело раненных вблизи меня офицеров и солдат с разорванными внутренностями или перебитыми ногами, страшно кричавшими и стонавшими. Так, один молоденький солдат, когда я во время перебежки добежал до него, корчась в агонии, кричал: «Мама, мама!» Другой, тяжело раненный в живот (все кишки у него вылезли), вперил в меня свой страшный взгляд и почему-то хрипел одно слово: «Товарищ! Товарищ!» Никогда не забуду я этих предсмертных криков!

Стемнело. Наше продвижение вперед прекратилось, и огонь со стороны Герритена затих. Кругом горели деревни Платен, Будветчен, Пельшлаукен и отдельные немецкие усадьбы, зажженные артиллерийским огнем, а вдали видно было зарево в стороне Эйдкунена.

Итак, с таким трудом взятый нами Герритен мы оставили, но и немцы прекратили бой.

Разбросанные по полю цепи начали в темноте собираться в роты, батальоны и полки и отходить несколько назад.

Когда части 13-й, 14-й и 16-й рот под моей, как старшего, командой отходили к полку, в темноте издали послышался крик: «Братцы, помогите, спасите, сюда!» Я задержался, послал унтер-офицера узнать, в чем дело.

Оказалось, что это кричал артиллерийский прапорщик (я забыл его фамилию) 1-й батареи 27-й артиллерийской бригады, прося помочь вывезти три орудия, застрявшие здесь на первой позиции во время боя, в то время когда остальные орудия батареи переехали на вторую позицию; прислуга и наводчики (кроме одного наводчика, фейерверкера) и лошади были перебиты и ранены; прикрытие — пехотная рота, вероятно, ушла с батареей вперед.

Прапорщик страшно волновался, чтобы орудия не были захвачены немцами: ведь почти на его глазах разыгралась неожиданная, отдельная атака наших рот во фланг немцами, уже после прекращения общего боя.

Я остановил роты, и мы все, усталые и изнуренные, вытащили на шоссе и прокатили на руках три орудия и зарядные ящики версты полторы, пока не сдали их приехавшему с запасными лошадьми и ездовыми артиллерийскому офицеру. Офицер этот, конечно, горячо благодарил нас, записал для доклада своему начальству фамилии всех офицеров, руководивших увозом с поля боя оставленных орудий.

Идя к штабу полка, мы догнали наших раненых и в их числе помогли дойти раненому подполковнику Красикову: оставаясь все время при своем батальоне только с легкой перевязкой, он теперь уже не мог сам идти. По дороге мы оживленно-нервно обменивались впечатлениями первого боя.

Потери полка, сравнительно, были небольшие: так, например, у меня в роте из солдат убитых было шесть человек, раненых двенадцать, но без вести пропавших двадцать два. Так как в наши роты влились сейчас приставшие солдаты других полков и даже дивизий (особенно Ивангородского полка), то, вероятно, и наши солдаты в темноте пристали к другим полкам, что впоследствии и подтвердилось, когда они вернулись в свои части; но были и такие «вояки», которые в панике прямо бежали с поля боя и, очутившись далеко в тылу, верст за десять, эти герои рассказывали в обозах всякие небылицы, особенно о гибели офицеров и тех рот, откуда они сами бежали!

Из офицеров убит один штабс-капитан Попов и пять человек раненых, большинство — легко.

Всех нас занимал вопрос: что делают немцы? Где они? И что будет с наступлением утра?

Собрав и устроив на ночлег в ближайших сараях роты, накормив солдат из походных кухонь,

сами мы заснули в каком-то дырявом сарайчике на грязной соломе. Не было физических сил ночью бродить и выбирать лучший ночлег.

Все мы были страшно нервно потрясены пережитыми впечатлениями боя. Я сказал — заснули, но это был не сон, а кошмар-бред ужасами боя. Во сне мы вскакивали и кричали, как полоумные... продолжая видеть пережитое... Только с рассветом я заснул настоящим сном.

Сторожевое охранение в ту ночь нес 108-й Саратовский полк, как наименее пострадавший в бою.

III. Гумбиненский бой

Утром 5 августа, часу в восьмом, поднялись роты; выяснялись потери вчерашнего боя. Командир полка обходил роты и опрашивал командиров батальонов и рот о подробностях боя на разных участках полка, о потерях убитыми и ранеными.

Сам раненый, командир 4-го батальона подполковник Красиков еще был при батальоне и только по настоянию командира полка, узнавшего от врача о серьезности его ранения, сдал командование 4-м батальоном капитану Гедвилло, командиру 15-й роты, и был эвакуирован в полевой госпиталь.

Этот храбрый офицер впоследствии был в боях еще раз ранен и затем убит. Вечная ему память!

Продолжаю: подполковник Красиков доложил командиру об отбитии атаки немцев в конце боя и о вывозе трех орудий с поля боя. Полковник Отрыганьев благодарил и хвалил роты за первые молодецкие действия в бою. Как приятно было выслушать эту похвалу из уст любимого командира! Я видел, как сияли лица солдат моей роты и особенно подпрапорщиков и унтер-офицеров. После ухода командира полка шутки и буйное веселье все время до выступления царили в роте.

Но высшее начальство, оказалось, было сильно недоволено исходом боя. Был получен приказ командующего Первой армией генерала Ренненкампа с угрозой предать полковому суду тех командиров полков, кои не удержали уже занятые в бою позиции, если сегодня же не овладеют ими снова.

Приказ командира корпуса генерала Епанчина определенно указывал начать немедленно наступление и взять Герритен, Допенен — Будветчен.

Итак, после обеда 27-я дивизия двинулась вперед со всеми мерами охранения. Каково же было наше общее изумление и радость, когда при

продвижении вперед мимо мест вчерашнего боя мы противника не нашли! Прошли все местечки, в том числе и Герритен, — немцы пропали!

Мы видели на поле еще не убранные трупы убитых, наших и немцев. Особенно ужасное зрелище представлял участок к югу от местечка Иогельна, где вчера разыгралась катастрофа со 105-м полком! Убитые лежали вперемешку, и русские, и немцы. Здесь же лежали убитые офицеры 105-го полка во главе со своим храбрым несчастным командиром! Несчастный благодаря вине высшего начальства — штаба корпуса, который — это точно установлено — мог и не дал знать, что 40-я дивизия отстала, и тогда полковник Комаров не принял бы немцев за русских на нашем левом фланге...

Кто знает?.. Быть может, тогда гораздо выгоднее для нас окончился бы этот первый бой?

Между прочим, убитый полковник Комаров лежал без сапог. Значит, уже появились проклятые «шакалы», которые под прикрытием ночи грабили убитых!

Когда мы проходили Герритен, кто-то заметил на одном ветвистом густом дереве привязанное высоко кресло; оказывается, здесь 4 августа сидел во время боя наблюдатель и корректировал стрельбу артиллерии, как нам сообщил немецкий пленный унтер-офицер.

Жителей в местечках и усадьбах совершенно не было, но видно было, что они бежали недавно. В домах мы заставали еще теплую плиту, еще не остывшее жаркое, неоконченную на швейной машине работу; гуляющих около домов лошадей, коров, свиней и много домашней птицы, которая и попадала тогда в ротный котел!

Вообще, во время первого нашего наступления в Восточную Пруссию, помимо сытного, обильного в то время казенного довольствия солдаты питались гусями, индюками и свининой в разных видах!

Между прочим, в походе до первого боя, многие (из запасных) солдаты моей роты, как доложил мне фельдфебель, легкомысленно растеряли свой шанцевый инструмент, и в первом же бою за это некоторые из них и поплатились, когда на остановках цепи нечем было вырыть себе укрытие... И вот теперь, после Сталупененского боя, на походе, я увидел, что все солдаты несут не только малые, но и большие, тяжелые, для полевых работ, лопаты, забранные в немецких усадьбах!

6 августа 27-я дивизия продвигалась вперед без боя. Только вечером была перестрелка нашей разведки с немцами; сторожевые аванпосты их были обнаружены на реке Роминтен. Итак, немцы после Сталупененского боя отскочили за реку Роминтен.

Когда мы пришли в деревню Ентзунен, устроились по сараям на ночлег роты. Зная, что скоро предстоит бой, мы, ротные командиры, отправились в штаб полка сдать казначею казенные деньги, какие были у нас на руках.

Вспоминаю в этот вечер своего друга капитана Трипецкого, командира 9-й роты. Это был опытный командир роты и в то же время страстный любитель музыки и выдающийся скрипач. Подружились мы с ним в годы молодости, и дружба началась на почве любви к искусству. Когда я устраивал в полку (стоянка была в глухом местечке Олита Виленской губернии) любительские спектакли и литературно-музыкальные вечера, Митя Трипецкий с большим успехом выступал, играя на скрипке. Мы жили тогда на одной квартире, и я всегда, как зачарованный, слушал его бесподобную игру. Потом мы расстались. Я перешел в другой полк, спасаясь от Олиты, и вернулся в полк, когда он уже стоял в Вильно. Митя женился по любви на вдове с двумя дочерьми-подростками, которых полюбил, как родных. Наша дружба возобновилась.

Печальный и грустный шел он теперь со мной из штаба полка к ротам. Совсем стемнело. Вдали, где-то далеко, слышалась канонада и стояло огромное зарево от пожара: немцы-жители сами поджигали дома, чтобы зарево пожара указывало их

армии путь нашего наступления. Митя Трипецкий с волнением говорил мне, что ничего хорошего для нас из этой войны не выйдет. «Немцы победят, а меня, — сказал он, — убьют!» Я старался его успокоить, но ничто не помогало... Очевидно, предчувствие близкой смерти его не обманывало!

Когда он написал в тот вечер последнее письмо своей жене, он попросил и меня дописать ей несколько строк приветия. «Это будет ей приятно», — говорил он. Я написал.

Когда его супруга получила это письмо, Мити уже не было в живых!

20 августа рано утром (еще не рассвело) полк был поднят с ночлега в местечке Ентзунен. Получен боевой приказ штаба дивизии: противник сосредоточивается на западном берегу реки Роминтен; дивизии приказано занять позицию для боя на линии Матишкемен — Варшлеген — Соденен (около города Гумбинена). В первую линию назначены наш 106-й, 108-й полки и сборный (после Сталупененского боя) батальон 105-го полка, со всей артиллерией, а 107-й полк в дивизионном резерве у имения Рудбарчен. Соседи: слева — 40-я и справа — 25-я дивизии.

К 7 часам утра наша дивизия была уже на указанной позиции.

И вот, только что наш полк подошел к местечку Матишкемен, как немцы открыли

артиллерийский огонь: и шрапнель, и гранаты начали рваться над полком.

Заметно было, что на этот раз уже с самого начала боя у нас было больше хладнокровия и выдержки, чем в начале первого крещения огнем при Сталупенене.

Быстро артиллерия выехала на позицию, выбрав наблюдательные пункты; пулеметы заняли хорошие, с большим обстрелом, места; полетели наши артиллерийские снаряды и пулеметные струи к немцам! Наш полк в передовой линии успел быстро занять позицию между Матишкемен и Варшлеген, окопаться и открыть свой меткий огонь. Немецкие чемоданы летели в сторону штаба дивизии. Слышно было по сильной канонаде, что и наши соседи, 25-я и 40-я дивизии, тоже ведут бой.

Вообще, это был встречный бой. Характер самого боя здесь был несколько иной, чем под Сталупененом.

Здесь немцы не могли стрелять с заранее точно измеренных расстояний по русской пехоте и артиллерии, как под Сталупененом, где у них была безошибочная стрельба «по квадратам», начерченным на бумаге у корректора стрельбы (как нам сообщил один пленный немецкий унтер-офицер из поляков). И немецкая артиллерия в начале Гумбиненского боя с дальних расстояний стреляла не метко.

В этом бою немцы (17-й генерала Макензена корпус и 1-й корпус из Кенигсберга), как и мы, сначала наступали цепями, но, хотя и на дальнем расстоянии, наш ружейный и пулеметный огонь косил их поднимавшиеся для перебежки цепи и группы. Особенно отличилась здесь наша пулеметная команда, прямо не дававшая своим метким огнем немецким пулеметам держать планомерный огонь, и нанесла немцам в этом бою большие потери. Начальник команды штабс-капитан Страшевич за этот бой произведен был в капитаны.

В самом начале боя, при наступлении, у нас был тяжело ранен пулею в колено командир 3-го батальона подполковник Симоненко, Георгиевский кавалер Японской войны. Он сейчас же написал приказание своему заместителю, командиру 9-й роты капитану Трипецкому, вступить в командование батальоном. Солдат связи от 9-й роты, бывший при нем, под огнем понес эту записку и вручил капитану Трипецкому, и вот, когда последний поднялся, чтобы направиться к месту командира батальона (при резервной роте), бризантный снаряд разорвался прямо на груди Мити Трипецкого, и он сразу пал мертвый! Предчувствие смерти его не обмануло!..

Почти в это же время убит в цепи, во время атаки, командир 1-й роты капитан Д. П. Епикацero:

большой осколок шрапнели вонзился ему между глаз, тоже — мгновенная смерть! Вечная им обоим память! Это были честные рыцари-офицеры!

Из молодежи пострадали в этом бою человек пять, в том числе младший офицер моей роты поручик Бадзен, раненный в ногу, когда со своей полуротой сделал в цепи перебежку, успев занять очень важную позицию, причем до конца боя остался в строю. Прекрасный строевой офицер в бою оправдал лестное о нем мнение всех офицеров и поддержал боевую честь моей роты.

При наступлении, в наших же окопах, убит на своем наблюдательном пункте 27-й артиллерийской бригады командир батареи подполковник П. П. Шилов. Уже с Гумбиненского боя и дальше связь между пехотой и артиллерией и корректирование артиллерийского огня крепко были налажены присутствием среди самых наших цепей таких артиллеристов-наблюдателей, как убитый доблестный командир батареи подполковник Шилов. Геройскую смерть нашел он в рядах родного, вырастившего его полка, потому что отец его (покойный полковник П. Н. Шилов) был коренной уфимец, прослуживший в нашем полку непрерывно более тридцати лет!

До девяти часов утра бой шел с переменным успехом, но в девять часов немцы особенно яростно стали атаковать наш полк; соседняя дивизия (25-я)

на этот раз немного опоздала с занятием своей позиции, хотя ее артиллерия уже открыла огонь. Казалось, вот-вот немцы ворвутся клином в промежуток двух дивизий, но боевая 25-я дивизия скоро перешла сама в атаку, местами доводя бой до штыков, и немцы опять свои главные силы направили на нашу 27-ю дивизию.

Тогда, чтобы поддержать передовую линию, начальник 27-й дивизии генерал-лейтенант Адариди двигает вперед дивизионный резерв — 107-й пехотный Троицкий полк, и сам со своим штабом переходит близко в район боя, в рощу около Матишкемен, где рвалась и шрапнель, и «чемодан», а иногда жужжали и пули.

Начальника штаба дивизии Генерального штаба полковник Радус-Зенкович здесь организовал связь, при помощи десяти полевых телефонов, со всеми полками, с соседними дивизиями и со штабом корпуса, что имело громадное значение для управления и исхода боя.

Приблизительно в это время, как потом показывали пленные офицеры, явился сюда к немцам сам командир 17-го корпуса — знаменитый впоследствии генерал-фельдмаршал Макензен и, «искусству вопреки, наперекор стихиям», вместо атаки цепями двинул свои войска сомкнутым строем, непрерывными колоннами, причем развевались знамена и играла музыка! Их

артиллерия в это время развила ураганный огонь.

Не могу забыть этого неожиданного и опасного момента! Генерал Макензен хотел подействовать на психику противника: несмотря на огромные потери, сразу запугать — ошеломить его воображение и могучим ударом опрокинуть врага!

Но наша дивизия не растерялась: открыт был такой точный и планомерный огонь по всей линии — а цель была такая большая! — что немцы, понеся огромные потери, остановились и залегли. Хорошо поработали здесь и наши пулеметы, и наша артиллерия! Бой продолжался.

В двенадцать часов и в два часа немцы пытались опять таким же открытым штурмом опрокинуть наши полки, но и на этот раз это им не удалось, несмотря на полное презрение к смерти храбрых сынов Германии. Много полегло их здесь во время этих открытых (в сомкнутом строю колоннами!) атак!

Как совместить, что эти же мужественные воины в бою под Гумбиниеном опозорили себя нечеловеческим зверским преступлением: во время одной из атак они поставили в первые ряды своих атакующих горсть несчастных русских пленных, безоружных... пока они не были все расстреляны!..

Менее успешно в это время шел бой у 25-й дивизии; некоторые ее части уже были немцами отеснены, особенно сосед наш на правом фланге,

100-й пехотный Островский полк. И опять явилась угроза нашему полку. Передние немецкие линии были уже шагах в семистах и ближе... Некоторые наши роты стреляли уже с постоянным прицелом. Казалось, бой дошел до своего высшего напряжения!.. Сердце дрожало: кто устоит? А ум подсказывал: кто первый начнет отступать — тот погиб!..

В два часа тридцать минут немецкий артиллерийский дивизион (двенадцать орудий), желая поддержать свою пехоту, совершенно открыто выезжает на всем видимую позицию, в тысяче шагов от 108-го полка, и открывает огонь. Но наши батареи, увидав такую, на редкость открытую, цель, засыпали ее таким ураганным огнем, что храбрый дивизион сейчас же был расстрелян, и двенадцать орудий стали нашими трофеями!

Таким образом, до 3,5 часа дня наша дивизия не уступила ни одной пяди земли немцам, несмотря на их яростные атаки. Вот что значит в бою «отличная стрельба»! Вот где пригодились и оправдали себя стрелковые труды и упражнения в мирное время... Здесь можно было, словами генерала Ренненкампа, назвать всю нашу 27-ю дивизию с ее артиллерией «королем стрельбы»!

И вот, наконец, часу в четвертом немцы не выдержали нашего огня, который по мере

сближения становился все более метким, дрогнули и... начали отступать! Начатое планомерно, под прикрытием огня своей артиллерии, отступление по всему фронту, с развитием нашего ураганного огня артиллерии, пулеметов и пехоты, это отступление перешло в панику и местами — целыми частями — в бегство! С наших наблюдательных пунктов можно было видеть потрясающую картину, как от нашего огня целыми рядами падали, словно подкошенные, бегущие вдоль шоссе и канав при нем немцы! Как бежали они в беспорядке, бросая по дороге свое оружие... Моментально пропала вся их железная дисциплина!

А что было бы, если бы мы дрогнули и начали отступать? — задал я себе вопрос и мысленно представил себе весь ужас положения отступающего! Радостью и гордостью наполнилось сердце, прямо ликование написано было на всех наших измученных ужасами боя лицах! Мы победили! И кого — немцев!

Неотступно мы преследовали огнем врага, артиллерия продолжала косить их отступающие колонны. Уже отдан был начальником дивизии приказ двинуться вперед для дальнего преследования...

Но в это время по приказу свыше движение было приостановлено «ввиду общей обстановки», и остатки противника постепенно скрылись из наших

глаз.

В этом бою наш полк взял 4 орудия и 8 зарядных ящиков, 6 пулеметов, 900 винтовок и около 500 пленных, а трофеи всей 27-й пехотной дивизии выразились в 15 орудиях, 25 зарядных ящиках, 13 пулеметах, свыше 3 000 ружей и более 1 000 пленных.

В общем, Макензеневский корпус потерял в Гумбиненском бою более восьми тысяч человек.

Но не это важно. Важно то, что наша победа под Гумбиненом имела огромные последствия и влияние на весь ход войны. Поражение сильного, из отборных войск (например, части 1-го армейского корпуса Кенигсбергского гарнизона, состав которого по качеству войск считался наравне с гвардией), Макензеневского корпуса, паническое бегство его от Гумбинена до фортов Кенигсберга, — произвело потрясающее впечатление на все население Восточной Пруссии!

Нужно сказать, что главным элементом населения в Пруссии были помещики — все бывшие военные, начиная от высоких рангов: личных генерал-адъютантов и любимцев самого императора Вильгельма (их роскошные имения-дворцы я сам видел при дальнейшем наступлении) и кончая бывшими фельдфебелями. Вся Восточная Пруссия считалась поэтому передовым, крепким авангардом, и жители, как мы

узнали потом, и мысли не допускали, чтобы кайзер позволил русским захватить эту «жемчужину в его короне»!

А когда узнали о приказе командующего немецкой армией генерала Притвица «всей армии отступить за реку Вислу», то есть оставить совершенно Восточную Пруссию в руках русских, — началось повальное бегство всех этих богатых и знатных семейств; все дороги в Берлин были забиты этими беженцами!

В Берлине, при помощи печати своих знатных мужей, личных друзей и любимцев кайзера, они произвели настоящую «революцию» возмущения и ропота. Так, например, известный немецкий писатель Hermann Gierl писал тогда («Der Schutz des Ostens»): «К каким результатам приведет приказ генерала Притвица отступить за Вислу, трудно даже и представить. Пруссией овладеет русская власть и после этого — открытый путь через Силезию на Берлин! Война может быть проиграна...»

И вот результат всего этого: нарушение тщательно разработанного немецким Большим генеральным штабом (генерала Мольтке) плана войны в первые же дни, именно — снятие с французского фронта на Майне двух сильных корпусов и отдельной кавалерийской дивизии для спасения Восточной Пруссии! Сняты эти корпуса с

главного, решающего исход боя с французами на Марне крыла, и... Париж был спасен! Это признали французские военные авторитеты и сами немцы во главе с генералом Людендорфом.

Начальник дивизии генерал Адариди объезжал полки и поздравлял с победой. Настроение было восторженное. При встрече со мной генерал крикнул: «С победой, капитан!» И добавил тут же: «С настоящей победой!» «Не сомнительной, как под Сталупененом», — подумал я. «Взаимно поздравляю, Ваше Превосходительство!» — ответил я любимому начальнику дивизии.

Кроме официальной службы, мне пришлось узнать ближе генерала Адариди во время последней полевой поездки в мае месяце, где я был тоже командирован среди других подполковников и капитанов. С удовольствием вспоминаю эту учебную поездку, особенно самого руководителя по решению офицерами задач в поле — генерала Адариди. Строгий по службе, вне службы это был обаятельный, простой и милый собеседник, в чем мне пришлось убедиться, когда иногда мы оставались с ним вдвоем по утрам (я заведовал хозяйством, то есть довольствием всех офицеров на этой полевой поездке), не всегда выезжая в поле.

Радовались победе генералы, командиры полков и офицеры; радовались не менее и солдаты,

как только смерть перестала смотреть в очи... Шутки, смех и неистощимые рассказы из разных эпизодов счастливо окончившегося боя все время звучали среди офицеров и солдат!

Несмотря на утомление, я и офицеры одной батареи поехали верхом смотреть бывшее поле битвы. Какие картины мы здесь увидали! Общий фон поля — это словно огромный лист липкой бумаги («смерть мухам»), усеянный трупами тысячи мух, но... это были не ничтожные мухи, а защитники своей родины и в большинстве цветущая молодежь! В каких только позах не настигла их смерть!

Вот и геройский артиллерийский дивизион, расстрелянный ураганным огнем русской артиллерии. Издали некоторых из убитых офицеров и канониров его можно принять за живых, так выразительны их остекленевшие взоры и застывшие жесты и позы.

Вот молодой офицер с поднятой саблей, запрокинутой головой и открытым, кричащим ртом (вероятно, команду), с глазами, устремленными в небо, застыл у самого орудия! Вот солдат, совершенно как живой, наполовину вставил снаряд в орудие и с не отнятыми от него руками, стоя на коленях, вперил глаза свои с каким-то особым удивлением вверх, словно спрашивает: «В чем дело?!» — и т. д. Эти фигуры издали казались

живыми, но когда мы подошли ближе, то увидели, что у офицера три четверти головы сзади были оторваны и осталась буквально одна маска, а у солдата выбит был весь живот. Очевидно, смерть была моментальная и безболезненная, поэтому и сохранилось такое живое выражение на их лицах.

Вот батарея, расстрелянная на самом выезде на позицию в полной запряжке, не успевшая не только открыть огонь, но и остановиться: все убитые люди и лошади дружно лежат вместе на своих местах, а солдаты лежат даже верхом на лошадях или поблизости их.

Лошади! Бедные животные! Чем они виноваты во всей этой катастрофе, случившейся между людьми?!

Верст на пять-шесть протянулось то страшное поле смерти; особенно много было, целыми рядами и колоннами, убитых немцев на разных шоссе, идущих от поля боя, и в канавах вдоль них — путь бегства после поражения! Ужасное впечатление производили оторванные ноги, руки и другие части тела, валявшиеся поблизости. Санитары подбирали раненых немцев; наши раненые, лежавшие ближе к госпиталю, вероятно уже все были отправлены на перевязочные пункты.

Но какое озлобление было у немцев против своих победителей! Когда некоторые из наших офицеров помогали санитарам разыскивать еще не

умерших раненых немцев, неожиданно посыпались выстрелы! Оказывается, стрелял раненый немец-офицер, выпустив из маузера всю обойму! Одной пулей был ранен в руку подпоручик Самойлович, а другой пулей задел в плечо подпоручик Прокоп. Обе раны были легкие. Возмущенный Самойлович вынул свой револьвер и хотел тут же пристрелить немца, но... пожалел раненого «лежачего» врага, почти лишившегося после этой стрельбы сознания, и только совершенно обезоружил его.

Пленных отправляли в штаб корпуса в Олиту — офицеров отдельно. Некоторых из пленных офицеров успели накормить и напоить вином и чаем в офицерском буфете. Большинство немецких офицеров держали себя напыщенно; некоторые вслух говорили, что Германию победить нельзя, немцы непобедимы! Смешно было слушать это из уст пленного немца и после поражения их Макензеневского корпуса!

Поздно вечером, когда мы ложились спать, узнали, что на завтра назначена первая — после перехода через границу 14 августа — дневка, то есть день отдыха. Первый раз подошел к нам обоз второго разряда, и явились к нам наши денщики.

Как сейчас вижу своего Ивана. Это был славный скромный юноша, преданный мне всей душой, что и доказал он не раз во время войны.

Я помню, какой радостью сиял он после каждого крупного боя, когда, вопреки всяким тыловым слухам о моей смерти, он находил меня живым!

В те редкие случаи на войне, когда обоз второго разряда и денщики прибывали к нам, какими он окружал меня заботами о моем питании, сне, белье, обуви и т. д.!

Когда же готовились мы к бою и обозу второго разряда приказывалось уезжать от нас, когда я, передав Ивану все свои домашние поручения, прощался с ним, он каждый раз плакал, как ребенок, и целовал мне руки, чем приводил меня в немалое смущение. Итак, мы с удовольствием переодели свежее белье, почувствовав на время какую-то умиротворенность, и легли спать в эту ночь на 8 августа в своих походных кроватях. Но... заснуть я все равно не мог: запах мертвечины, карболки, йодоформу и т. п. наполнял весь воздух, нигде от него нельзя было избавиться, а с ним и от навязчивых, больных, бредовых идей — отголосков ужасов боя... предсмертных криков и стонов!..

Дело в том, что на второй половине хаты, где мы ночевали, лежали и громко стонали трое очень тяжело раненных немцев-офицеров, которых не успели свезти днем, и наш младший зауряд-врач, из студентов, все время старался помочь им. Я узнал

от него, что немцы эти выжить не могут, что этой ночью умрут... Невольно ставил себя в их положение, жалел их... мучился всю ночь сам и заснул опять только с рассветом. Утром узнал, что рядом лежат два покойника, третий немец еще жив.

В этот день, 8-го, я ничего не мог есть; казалось, вся пища пропахла трупами и йодоформом.

Утром, как только проснулся, быстро оделся, помылся и, буквально, бежал из этого места ночлега. Я спешил на похороны наших, убитых в бою, офицеров и солдат и, особенно, моего друга Мити Трипецкого. Какое же горе для меня было услышать, что их ночью отвезли в штаб дивизии и уже сегодня рано утром всех похоронили на сельском кладбище местечка Матишкемен!

Я верхом поехал на это кладбище. Как сейчас вижу срезанные снарядами кресты, деревья и часть разрушенной ограды этого места вечного покоя! И его не пощадила война!

Солдат похоронили в одной братской могиле под большим крестом. Близко, при входе на кладбище, нашел я свеженасыпанные офицерские могилы с небольшими сосновыми крестами. На одном из них прочитал надпись: «106-го пех. Уфимского полка капитан Дмитрий Тимофеевич Трипецкий, убит в бою 7 августа 1914 г.» Слезы полились у меня неудержимо, скорбью сжалось мое

сердце... Я опустился на колени перед этой могилой, где мирно спит мой друг! Бедный Митя! Как скоро ты отвоевал! Как не хотел ты умирать! Скоро ли мы с тобой теперь увидимся?! Прощай, милый друг! Я припал к его кресту и долго-долго плакал, пока мой конь, гулявший рядом, не толкнул меня... и не вернул к действительности! Я разыскал могилы и других полковых товарищей. Между прочим, нашел и могилу командира 1-й роты капитана Дмитрия Павловича Епикацера... Вспомнил утренний рассказ командира нестроевой роты капитана Приходько, что когда уложили Дмитрия Павловича в гроб, хотели вынуть тот огромный кусок шрапнели, что вонзился у него в лоб между глаз, но не смогли и похоронили с этим орудием его смерти на лбу! Отпевал всех убитых священник 107-го пехотного Троицкого полка, он же и благочинный 27-й дивизии, потому что наш батюшка уже в это время был у немцев в плену.

Грустный ехал я из Матишкеменского кладбища по направлению к штабу полка. Везде кругом были следы от вчерашнего боя. Разрушенные, еще дымящиеся после пожара пустые здания, срезанные телеграфные столбы и деревья, изрешеченные пулями стены зданий, зиявшие пустотой выбитые рамы и двери, дыры от снарядов, а местами следы запекшейся крови, грязная вата, марля... и везде, везде одуряющий

запах трупa и дезинфекции!..

Когда я подъехал к штабу полка, некоторые офицеры уже обедали за наскоро сколоченными тут же, в поле, длинными столами. Я сел за стол.

Но что это творится в природе?! Солнце потускнело, потемнело, и все в поднебесной стало до жути серым, землистым!.. Оказывается, это было солнечное затмение 21/8 августа 1914 года. На меня в этот момент оно произвело гнетущее впечатление. Казалось, сама природа возмущалась этой братоубийственной бойней и оделась в траур сумерек и печали!

Но вот солнце постепенно начало открывать свой ясный, веселый лик! Вся природа — поля, леса, сады — осветилась и ожила... Захотелось шума, веселья, песен! И действительно, скоро под влиянием яркого солнца, выпитого вина и веселых, победных речей молодых офицеров на душе стало легче!

Пришла телеграмма о пожаловании Государем Императором ста процентов наград на наш полк за победу у Гумбинена, и стало еще веселее! Я получил на шею красивый крест Св. Станислава второй степени с мечами. Все награды наши были тут же спрыснуты!

Но странно... как только вернулся я в свою хату, приподнятое настроение сейчас же упало: здесь было уже три покойника; третий немецкий

офицер только что скончался, и я застал картину перевозки их трупов для похорон. «Memento mori», — опять ясно звучало в моем мозгу...

Когда санитарная повозка с красным крестиком увозила их вдаль, я невольно задумался о судьбе этих трех немецких офицеров. Все трое молодые; у всех, вероятно, есть невесты, а быть может, и жены, матери, сестры...

Как все эти женщины плакали бы сейчас, если бы видели их умершими! И как долго они будут жить с представлением о них как о живых героях, защитниках родины, пока дойдет до них весть о их смерти!..

Бедная жена Мити Трипецкого сейчас уже узнала о его смерти! Известная картина: денщик привозит вещи и походную кровать убитого офицера... Какое горе и ужас вызывает это в каждой такой, осиротелой, семье! Вот его вещи, а его самого уже нет и не будет! «Он убит», — докладывает со слезами денщик и, как честный солдат, точно и аккуратно все имущество своего барина сдаст семье.

И вот, во время горя и отчаяния оплакивающих его смерть вдовы и детей, приносят с почты запоздалое письмо еще живого Мити! Такое ласковое, милое письмо, со всеми самыми мелкими житейскими интересами и вопросами, письмо — полное жизни!.. Я потом узнал, что жена

Мити чуть с ума не сошла в этот момент! Она всех стала уверять, что это ошибка, что он жив... что убит кто-то другой, а не Митя... «Вот он пишет... он жив, я прочитаю вам письмо его!»

Какой ужас! И пока она не убедилась, что Мити нет на свете, черствые люди смеялись и называли ее сумасшедшею...

Но довольно о смерти! Довольно грусти и печали! Полк наш двигается вперед, вся 1-я армия, опрокидывая немецкие небольшие разведочные части, проходит через города и местечки и усадьбы вглубь Восточной Пруссии.

IV. Движение к Кенигсбергу

Немцы после Гумбиненского поражения отскочили далеко на запад, не задержавшись даже на такой выгодной позиции, как Ангерापская, где потом, зимой, они совершенно приостановили наше второе наступление на Пруссию.

Отступление их войск от Гумбинена носило характер совершенного бегства, как сообщили нам местные литовцы и пленные из поляков. Занимая новые области Восточной Пруссии, какое довольство, достаток и даже богатство видели мы здесь во всем на каждом шагу! Каждая усадьба простого крестьянина снабжена десятком земледельческих орудий, телефоном,

электричеством, велосипедами, газетой. Везде водопровод и канализация! А какие «дворцы» для скота: с электричеством, с асфальтовым полом, бассейнами проточной воды и т. д. На полях нет и кусочка невозделанной земли. Сарай и погреб битком набиты «впрок» всякой снедью и припасами! В чуланах и погребах сундуки с огромными запасами одежды и белья! Чего немцам было еще надо?! Зачем кайзер и его правительство захотели искать лучшего?!

Вот, наконец, при дальнейшем нашем продвижении вглубь Пруссии, от Инстербурга стали попадаться навстречу огромные фуры с беженцами; их направляли наши коменданты к границам России. Старики, женщины, дети сидели в этих фурах, сзади шел привязанный скот, как то: коровы, телята, лошади. На возах этих — всевозможный домашний скарб, даже мебель! Несчастные жители! Что переживали они в это время!

Я, например, видел, как около Клейн-Шонау немецкий цеппелин сбросил в лагерь таких беженских повозок три бомбы, приняв их, по-видимому, за русский артиллерийский парк. Сколько было убито и переранено стариков, женщин и детей! В ужасе, ища защиты и врачебной помощи, они прибегали к нам, своим врагам, и мы всей душой им помогали, чем могли. В этом случае

забывалась вражда и особенно сильно сказывалось чувство простого сострадания к ближнему.

С 22 августа походным порядком (в составе Первой армии) наша дивизия двигается между Инстербургом и Даркеменом, пересекши Ангерапскую позицию в направлении на город Алленбург. В один день полку пришлось идти в боковом (к северу) авангарде, причем я со своей ротой и полусотней казаков шел в боковой заставе. Когда мы проходили мимо Астравишкенского леса, из опушки его открыт был беспорядочный ружейный огонь, ранивший, однако, у меня четырех человек. Не прерывая движения, я приказал полусотне рассыпаться и атаковать опушку леса. Огонь скоро прекратился, и противник скрылся в глубь леса. Казачки захватили в плен двух немцев — егерей лесного корпуса, что-то вроде охотников, но вооружены они были и ружьями, и маузерами.

В двенадцать часов дня был большой привал главных сил и бокового авангарда. Я тоже сделал привал, своей заставе и полусотне казаков, как раз вблизи большого имения. Мы с подьесаулом зашли в это имение.

Чудный дворец, окруженный роскошным парком! Громадные ворота с гербом владельца — какого-то генерал-адъютанта кайзера, сейчас — командира кавалерийского корпуса на войне, как я потом узнал. Ковры из роскошных цветов

обрамляли парадный подъезд и вестибюль-веранду с мраморными колоннами и балюстрадой.

Из приемной мы пошли в огромный зал-столовую и остолбенели от удивления! Громадный длинный стол, персон на сто, был накрыт и сервирован всевозможными закусками и блюдами, и ассортиментом разных вин и водок, вазами с цветами и т. д. Но видно было, что обед был еще не кончен, когда неожиданная весть о поражении и отступлении Макензеневского корпуса пришла сюда... Произошло повальное бегство от этого стола, из этого замка хозяев и гостей, всех до одного! На многих тарелках лежали взятые яства, почти нетронутые, и вино в бокалах, не выпитое...

За залом следовал огромный роскошный салон с двумя белыми концертными роялями: один из них был раскрыт с развернутой на нем сонатой Бетховена... Далее блестела паркетом анфилада роскошных комнат, но мы туда не пошли. Я только обратил внимание на огромную, чудной работы серебряную группу всадников («атака кавалерии»), стоявшую на столе в углу зала под стеклом. Надпись гласила, что это подарок офицеров разных полков N-ской кавалерийской дивизии своему начальнику. Где-то он теперь? Чует ли, что скоро от его замка останутся лишь развалины?!

Случилось следующее.

В тот же день вечером, когда начальник русской 3-й кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант (фамилия его, кажется, Бельгард), на террасе с мраморными колоннами читал своим командирам полков приказ о дальнейшем движении дивизии, неожиданно из одного окна прозвучал револьверный выстрел и начальник дивизии пал мертвый, пораженный пулею в сердце!..

Бросились искать убийцу, обыскали весь дворец, все погреба, сараи и чердаки... Убийца пропал!..

Командиры полков уехали к своим частям, а... ночью огромное зарево осветило всю окрестность!.. Говорили, что это казаки, из мести за смерть любимого начальника, совершенно разрушили и сожгли это имение.

В данном случае это была месть, но, вообще, меня поражала эта удивительная страсть казаков к разрушению.

Часто, бывало,ходишь в немецкую усадьбу, и если раньше побывали здесь казаки, то находишь ужасные следы разрушения: разбитые двери, окна и зеркала, пианино, буфеты, разорванные картины на стенах, пропоротые пиками диваны, кресла, даже постели!

Беззаветная удаль и храбрость казаков, вроде Крючкова, прославившегося в первой стычке с

немецкой разведкой: один против десяти немцев! И рядом — казаки-хулиганы, «храбрость» которых в разрушении имущества мирных жителей!

Итак, опрокидывая небольшие части немецкой разведки, 27-я дивизия достигла реки Алле.

14 августа в пять часов вечера наш полк вступал в Алленбург, старинный городок с семисотлетней кирхой и узкими улицами, совершенно оставленный жителями. Здесь, на станции железной дороги, нашли мы огромные склады консервов, особенно много сгущенного молока, каковое и было роздано во все роты и команды. Между прочим, осмотрели мы здесь унтер-офицерский клуб местного пехотного полка. Прекрасное помещение и обстановка, богатая библиотека, всевозможные пособия для решения тактических задач, хорошие стенные карты, портреты кайзера и разные батальные картины в красивых рамах. Вообще, видна забота о своих унтер-офицерах.

Авангард дивизии, 107-й Троицкий полк, ушел вперед. Наш 4-й батальон выставил сторожевое охранение на западной опушке города. Когда ночью я поверял свои полевые караулы и заставы, я невольно залюбовался средневековой архитектурой домов с узкими улочками и светотенями от яркой луны. Особенное впечатление

производила маленькая, но стильная, вымощенная плитами площадь со своей высокой старинной кирхой, длинным каменным бассейном для воды, памятником какому-то герою и двумя вековыми аллеями каштанов, кленов и лип. Эта площадь напомнила мне декорацию из «Фауста». Но вместо дивной музыки Гуно где-то вдали слышались отдельные выстрелы, и мимо меня промчался казачий разъезд с донесением, совершенно нарушив ночную тишину этого средневекового городка.

С 15 августа 1-я армия продвигается с небольшими стычками своих авангардов с немецкими арьергардами до линии дальних фортов Кенигсберга — Лабиау, Тапиау, Домнау и Прейсиш-Эйлау. Здесь армия, несмотря на слабое сопротивление немцев, остановила свое дальнейшее продвижение вперед по приказу командующего северо-западным фронтом генерала Жилинского, ввиду общей обстановки.

Шли местные бои, но немцы оказывали упорное сопротивление, кое-где переходя даже в наступление. Очевидно, они собирались с силами, чтобы по всей линии перейти в наступление.

Население здесь оставалось на местах, и даже на наших глазах немцы исполняли свои полевые работы. При проходе нашего полка через одно местечко меня неприятно поразили шутки и критические замечания мирных жителей,

следивших за нами с ироническими улыбками, словно это не на войне, а в мирной обстановке, на маневрах проходит свой полк куда-то на ученье. Так же спокойно глядел на нас толстый немец, сидевший развалившись, с сигарой в зубах, на машине-сенокосилке, запряженной парой породистых лошадей.

В один из этих дней полк занимал позицию около Клейн-Шонау (Klein-Schonau); немцы атаковали нас, подвезя сильную артиллерию, бой шел целый день до вечера. Немцы отошли. Много было убитых и раненых, которых увозили в полевые госпиталы.

В этот вечер, часу в восьмом, я со своей ротой назначен был в сторожевое охранение по северо-западной опушке леса Фришин у деревни Бебер-Свальде. От места боя у местечка Клейн-Шонау до этой деревни (путь шел лесом, вдоль железной дороги от Фридланда на Тапиау) расстояние было более десяти километров. Страшно изнуренная целодневным боем у Шонау, моя рота скоро идти не могла, и мы пришли к месту сторожевого охранения только в одиннадцать часов вечера, а пока я связался телефоном с соседней ротой 108-го полка (правее меня) и расставил свои караулы и заставы, было далеко за полночь.

Днем в этом месте шел бой (район 108-го Саратовского полка), и сейчас все увеличивавшееся

заревом заженной артиллерийским огнем усадьбы начало освещать и наши, только что вырытые, окопы, которые могли быть обнаружены немцами; поэтому, несмотря на сильное утомление, пришлось перенестись в тень, на самую опушку леса, и снова окапываться ввиду близкого противника.

В этой тяжелой обстановке, когда совершенно надорваны были наши физические силы — в дневном бою, десятикилометровом переходе, занятии участков охранения и копании окопов, — я особенно оценил своих помощников — подпрапорщиков и унтер-офицеров. Офицеров в моей роте уже в это время не было: поручик Кульдвер был прикомандирован к штабу полка (помощником адъютанта), подпоручик Врублевский временно командирован в штаб корпуса за пополнением полка запасными, а подпоручик Бадзен, раненный в бою 7 августа под Гумбиненом, еще лежал в госпитале. Обязанности офицеров исполняли мои кадровые унтер-офицеры, и только благодаря им в эту ночь все полевые посты, караулы и заставы точно заняли указанные мною места и окопались, вполне подготовясь, в случае появления противника, встретить его. Чувство долга и присяги и старая дисциплина преодолевали все!

Наконец, чтобы отдохнуть, я прилег в темноте на целую кучу брошенных немецких шинелей и

ранцев. Голову положил на что-то твердое, как мне показалось — немецкий ранец, и сейчас же стал засыпать. И вот, слышу сквозь сон, как дежурный телефонист говорит мне: «Ваше высокоблагородие! Ведь вы легли на убитого немца!.. Пожалуйста лучше сюда, к нам в окоп, к телефону». Я поднял голову и, действительно, при свете электрического фонарика увидел труп убитого немецкого солдата, на спине которого лежала моя голова!..

Но нервы за время всех боев уже так были притуплены, утомление от трех почти бессонных перед этим ночей так было велико, что я, как только лег на новое место, сейчас же крепко заснул под охраной двух бодрых, выспавшихся днем телефонистов. По счастью, в эту ночь немцы нас здесь не побеспокоили. Рано утром по телефону получил приказание снять сторожевое охранение и присоединиться к полку.

Когда совсем рассвело, я увидел необыкновенно красивую местность, где мы провели эту ночь.

Совсем близко — небольшое озеро, как в зеркале, отражало опушку багряного, в ярких осенних тонах леса и крайние домики усадьбы, утопавшие в свежей еще зелени сада. Около домиков, ближе к нашим окопам, красивая клумба с цветами, но здесь же, на клумбе, среди роскошных махровых астр, нежных белых георгинов и поздних

роз и прямо под навесом спелых, лопающихся от сока яблок и груш лежал убитый во вчерашнем бою белокурый молодой немец-солдат...

Остекленевший взор его устремлен был в небо, на груди его огромное пятно запекшейся крови... а на траве и цветах около него — слезы обильной росы!

Дали еще тонули в молочных облаках тумана, но на востоке уже горело зарево восходящего солнца и пробуждало во мне радость жизни.

Я быстро собрал роту и двинулся к полку. Телефонисты, весело перекликаясь, вслед за нами спешно снимали и накатывали на катушки проволоку полевого телефона.

V. Оборона моста под городом Алленбургом

5 сентября утром командир полка полковник Отрыганьев вызвал меня в штаб полка (Клейн-Шонау) и сказал мне, что, согласно секретному приказу дивизии, должна быть назначена от полка одна рота для выполнения особо важной задачи, и он назначает меня. В мое распоряжение будут назначены: пулеметная команда, команда разведчиков и взвод артиллерии. Подробности я получу в штабе дивизии от начальника штаба, полковника Радус-Зенковича,

куда я завтра, 6 сентября, должен прибыть с ротой к 9 часам утра, ротную кухню взять с собой. Для пополнения роты, взамен убитых и раненых, командир полка обещал прислать запасных солдат.

Это назначение приятно польстило моему самолюбию, и я мысленно давал себе слово оправдать доверие любимого командира.

Рано утром поднял я свою роту, уже привыкшую к неожиданным походам, — сам верхом, — повел ее кратчайшей дорогой к штабу дивизии. Конь мой Янус, с которым я не расставался во все время кампании, был очень горячий. Никогда я не пользовался ни стеком, ни шпорами, а только шенкелями, чтобы подбодрить его, но на этот раз, видя по часам, что я могу опоздать, я поспешил вперед, все прибавляя рыси и, наконец, нервничая, в первый раз хлестнул его стеком, чтобы скакать в карьер. Янус взвизгнул и помчался.

Ровно в девять часов я был возле штаба дивизии, и вот здесь, когда я привязывал Януса к забору, он так крепко укусил меня в спину, что я вскрикнул от боли. Лошадь запомнила незаслуженную обиду и отомстила мне. Мне стало досадно и стыдно!..

Начальник штаба дивизии Генерального штаба полковник Радус-Зенкович рассказал мне, в чем заключается задача, и передал секретный

приказ начальника 27-й дивизии от 22 августа 1914 года за номером 24. На маленький отряд под моей командой: рота, сзади — батарея, команда разведчиков, пулеметная команда и команда сапер, возлагается оборона моста через реку Алле у города Алленбурга после отхода всей Первой армии на восток. Приказывается оборонять этот мост до наступления превышающих сил противника, после чего, отходя, мост этот взорвать. В приказе указывались тыловые пути для отхода колонн Первой армии на восток и последние пункты уже за немецкой границей, в Литве.

Прочитав этот приказ, начальник штаба на словах передал мне, что ввиду того, что настоящий каменный Алленбургский мост был немцами взорван, нужно принять меры к укреплению деревянного моста (построенного русскими саперами) и подъездных путей к нему для прохода через мост всей Первой армии и особенно тяжелой артиллерии. Для обороны моста в мое распоряжение, кроме моей роты, назначены: 1-я батарея 27-й артиллерийской бригады (подполковник Аноев), команда разведчиков 107-го полка (поручик Зубович), пулеметная команда 106-го полка (штабс-капитан Страшевич), подрывная команда 3-го саперного батальона (штабс-капитан фон Фиттингоф) и команда телефонистов 106-го полка.

Во время боя я непосредственно подчиняюсь командиру 107-го полка полковнику Орловскому, впереди боевого участка которого расположен мост. Связь держать со штабом дивизии. 1-я армия пройдет через мост на этих днях. Указаны тыловые пути отхода ее из Пруссии далеко на восток.

Получив этот приказ, я поехал навстречу подходившей роте и с нею направился к городу Алленбургу. По дороге я еще раз внимательно перечитал этот приказ, и мое сердце тревожно сжалось, когда я нашел строки о предстоящем отступлении Первой армии. Что случилось там, на фронте? Ведь нигде наша армия не разбита, везде сдерживаем немцев. Почему же мы бросаем Восточную Пруссию?..

Я не подозревал, что в это время немцы, спасая свою Восточную Пруссию, сняли и привезли с французского фронта, с Марны, два свежих корпуса и кавалерийскую дивизию и, нанеся 15–16 августа поражение Второй Самсоновской армии, собирались обрушиться на нашу Первую армию.

Не доходя города Алленбурга, я расположил роту в сараях деревни Шиллен при самой реке, у моста. Три быка (устоя) и настилка каменного моста, взорванного немцами при отступлении, лежали в реке, поэтому рядом был выстроен нашими саперами довольно основательный мост;

наша 1-я армия при наступлении в Восточную Пруссию прошла не по одному этому мосту, а и по мостам выше Алленбурга у местечка Лейссиенена и у Вехлау (где железная дорога). Теперь же эти мосты по стратегическим соображениям были оба взорваны, и почти вся армия должна идти обратно по единственному Алленбургскому деревянному мосту.

Совместно с прибывшим ко мне саперным офицером мы наметили план работ по укреплению моста и сооружению второго подъездного пути к мосту, специально для артиллерии. Моя рота под руководством сапер сейчас же приступила к работам. Не могу не отметить смелость и находчивость одного рядового еврейчика по установке козел в глубокой и быстрой реке, причем он едва не утонул.

Укрепив мост дополнительными «козлами», балками и новой настилкой, я распорядился его минировать, то есть сделать все необходимые приготовления к взрыву моста после нашего отступления.

Затем я, собрав всех взводных командиров, наметил на высоте, впереди моста, линию окопов для обороны, по обе стороны шоссе от Алленбурга на Клейн-Эйгелау; фланговые окопы давали перекрестный огонь, а окоп внизу обстреливал подход к мосту вдоль реки.

Когда вырыты были все эти окопы и ходы сообщения, я приказал измерить расстояние до ясно видимых рубежей и предметов. Между прочим, я распорядился вырыть один ход сообщения из окопов к мосту, вернее — к ручью, впадавшему в реку Алле. Ручей этот скрывался в прибрежных густых камышах, могущих служить хорошим прикрытием в случае отхода роты из окопов к мосту. На вышке сеновала я устроил наблюдательный пункт с большим кругозором. Все эти работы заняли у нас полных два дня...

24 августа я обратил внимание на высокую полукаменную мельницу на горке у деревни Триммау впереди моста, могущую служить немцам прекрасным пристрелочным пунктом. Я решил взорвать ее и поручил это саперному офицеру. Подложили под основание ее динамит и пироксилин. Сильные взрывы смутили покой некоторых артиллерийских парков и полевых госпиталей. Прискакали оттуда к мосту испуганные офицеры и врачи верхом, спрашивая: где немцы? Почему стреляет наша артиллерия? Я успокоил их, рассказав, в чем дело.

Между прочим, в этот день я получил приглашение на обед в близрасположенный артиллерийский парк. Милая компания молодежи, причем только сам командир парка был кадровый офицер — штабс-капитан, а остальные чины —

прапорщики — мобилизованные студенты. Обед был, взамен спиртных напитков, с русским квасом, очень вкусный и сытный. Настроение молодежи было веселое и победное. Много, хотя и шутя, говорили о скором посещении Кенигсберга, о красоте этого города, открытки с видами которого офицеры достали в Алленбурге.

Никто из них еще не подозревал о «тыловых путях»...

Но вот, только что подали сладкое, как командиру парка вручил приехавший ординарец пакет. Я видел, как дрогнуло и побледнело лицо штабс-капитана. Он отпустил ординарца и приказал всем чинам не расходиться. Все насторожились. Затрещал телефон — вызывали из штаба артиллерийской бригады командира парка: приказ об отходе в тыл в первую очередь касался госпиталей и парков...

Когда командир парка сообщил об отходе назад, некоторое смущение было заметно у всех. Недоуменный вопрос: «Что случилось?» — отражался на всех лицах. Через пару часов парк уже выполнял свой тыловой путь!

На фронте, на линии кенигсбергских восточных фортов, в это время шли непрерывные стычки с немцами; много оттуда провозили раненых, направляя их из полевых госпиталей в тыл, в Россию, и наша армия, под натиском свежих

немецких корпусов, наконец начала планомерное отступление. Днем шли бои на занятых позициях, а с наступлением темноты, под прикрытием гвардейской и армейской кавалерии, продолжался отход.

Для связи тыловых частей и учреждений с фронтом у меня в Шаллене был промежуточный казачий пост из трех человек. Эти донские казачки, приезжая ко мне каждый день с фронта, сообщали разные новости о происшедших за день стычках, часто сильно преувеличивая наши успехи.

Однажды вернулись на ночь только двое, ведя за собой лошадь третьего. Я спросил: «Где третий?» И вот, со слезами на глазах, бородатый донец рассказал: «Сегодня Бог наказал Макарушкина за то, что вчера он снял с убитого в бою немца золотое кольцо... Шрапнель угодила Макарушкину в голову, и он пал убитый недалеко от того немца, у которого он снял кольцо, а я ему еще вчера говорил: не тронь покойника, не бери кольцо, Бог накажет! Так оно и вышло!»

Началось отступление Первой армии. По ночам (25 и 26 августа) непрерывно, но со строгим соблюдением дистанций, в полном порядке, неторопливо проходили пехота, артиллерия и небольшие части кавалерии. Проходили полки (со знаменами в чехлах), со знакомыми офицерами, проходили разные штабы корпусов, дивизий,

бригад. Тяжелые пушки сворачивали перед мостом на построенный для них моей ротой из подручного материала подъездной путь. Деревянный мост немного сгибался под грузом тяжелой артиллерии, и я сначала очень волновался в эти моменты, опасаясь катастрофы, но потом успокоился, особенно когда вся тяжелая артиллерия уже прошла через мост.

В эти дни я много беседовал со своей ротой, подготавливая солдат к честному выполнению возложенной на роту боевой задачи: оборонять мост для прикрытия отхода своих войск. Я еще сам ясно не представлял себе, как удастся мне выполнить эту задачу? Надолго ли смогу задержать врага? Но я верил, что отлично стреляющая рота, уже закаленная в прежних боях и стычках с немцами, не дрогнет и не поддастся панике. Мне вспомнилось тогда, как одна рота сибирского стрелкового полка, в бою под Сандепу с японцами, своим метким огнем остановила наступление целого полка. С другой стороны, я глубоко верил только в помощь Божию.

В это время фельдфебель мой разыскал где-то в городе оставленную немцами пекарню и там три-четыре мешка белой муки крупчатки. Мобилизованные булочники-хлебопеки начали печь вкусные булки, и я угощал ими проходивших знакомых офицеров. Целую корзину таких булок

послал я в штаб дивизии и в свой полк, потому что уже скоро месяц, как армия белого хлеба и булок не видела. Из штаба дивизии мне прислали в ответ корзину, наполненную фруктами, и большой графин с хорошим квасом.

Когда через мой мост проезжал штаб дивизии, начальник дивизии генерал Адариди, благодаря за булки, посмеялся: «Вы и здесь продолжаете кормить нас вкусными вещами, как на полевой поездке в мае».

Командир полка полковник Отрыганьев, проезжая мимо моих окопов, напомнил мне обратить внимание на подступы к позиции. Это было очень ценное указание любимого начальника.

Я утром проехал верхом в сторону противника и оттуда наметил возможные подступы к моему мосту. На правом моем фланге одним из этих подступов являлась околица местечка Егерсдорф и самой деревни Шаллен, а на левом — узкая лощина, покрытая кустарником, где река Алле делает колено у Альтгоф. Это было очень важно, и я, так сказать, дополнил свой проект обороны моста.

Ввиду немецкого шпионажа и скрытых немцами телефонов (наша разведка ловила их в погребах брошенных усадеб, а шпионов находила в возах с сеном или соломой), все предмостные здания, жилые и нежилые, были мною тщательно

осмотрены.

После этого я еще раз обошел и осмотрел все расположение своей роты в окопах и ниши для патронных ящиков; причем заботу о питании роты патронами возложил на фельдфебеля подпрапорщика Нагулевича.

Между прочим, заметил, что взводные командиры расстояния до определенных рубежей и местных предметов заботливо нанесли на дощечки-указатели, вкопанные на видных местах в каждом окопе. Перевязочный пункт по моему указанию устроен был ротным фельдшером у самой реки в погребе.

И вот, к вечеру 26 августа, под натиском немцев, прошли через мост к городу Алленбургу последние части Первой армии. Артиллерийская канонада, целый день гремевшая на юг от нашего фронта, затихла. По ту сторону моста оставалось только сторожевое охранение нашей 27-й дивизии — два батальона 106-го и 108-го полков и небольшие части кавалерии. Наконец, в сумерки, последними прошли и эти части, и за мостом остался только я со своей ротой.

Начальник сторожевого охранения, подполковник нашего полка Г. М. Борзинский, проходя мимо меня через мост, пошутил:

— Ну, Александр Арефьевич, и дадут же вам немцы — мигом сметут вас!

— Не пугайте, Григорий Михайлович, — сказал я, — вот лучше поторопите штаб, чтобы скорее прибыла пулеметная команда.

— А вы не знаете, что это отменено штабом дивизии, чтобы пулеметы не попали в руки немцев... вот почему я и говорю: «Зададут вам немцы перцу!»

У меня неприятно сжалось сердце, хотя я старался и виду не показать, что расстроен.

Действительно, пулеметов мне так и не дали, а очень жаль... Скоро прибыла команда телефонистов нашего полка и соединила меня со штабом дивизии, а также с 107-м Троицким полком и первой батареей 27-й артиллерийской бригады, составлявшей арьергард дивизии. 25-я и 27-я дивизии при этом отступлении составляли арьергард Первой армии.

Уже совершенно стемнело, когда прибыла команда разведчиков 107-го полка во главе с поручиком Зубовичем. Я сейчас же выслал их вперед для разведки о противнике — двумя партиями в сторону Клейн-Энгелау и деревни Гундау.

Было часов девять вечера, когда я услышал перестрелку нашей разведки с немцами в направлении Клейн-Энгелау и получил первое донесение от поручика Зубовича, что немецкая разведка — партия самокатчиков — столкнулась с

нашей у ручья (без названия) и после перестрелки скрылась за местечком. Поручик Зубович остался у моста через ручей, где пересечение трех шоссе. У него убитых двое и раненых шесть человек. Я приказал поручику Зубовичу вернуться со своей командой в окопы к роте. Четырех тяжелораненых отправил в тыл. На намеченные мною заранее места впереди и на фланги выслал секреты.

Было тихо. В стороне противника изредка слышны были звуки колес, быть может, передвижение артиллерии или обоза.

Недалеко от моих окопов было пересечение трех шоссе, на Шаллен, Гундау и Альтгоф. Я приказал спилить и повалить здесь поперек шоссе три огромных дерева, чтобы немцы не могли сразу подкатить на грузовиках с орудием или пулеметом к моим окопам.

Совсем стемнело. Рота в это время в окопах ужинала: фельдфебель подпрапорщик Нагулевич по своей инициативе привез из 107-го полка походную кухню с супом, и, таким образом, люди перед боем были накормлены. Команда разведчиков поужинала в своем полку еще до прибытия ко мне. Кухню отправили назад, за мост.

И вот, думал я, подходит важный момент. Какое-то особенное чувство овладело мной; хотелось подвига! Я знал, что теперь смотрят на меня и мою роту все, кто прошел через мост:

родной полк, начальство и 107-й полк, составлявший арьергард дивизии и расположенный сзади меня на западной опушке города Алленбурга. Но я не знал, долго ли мне удастся с этой горсточкой любимых моих солдат оборонять мост и задержать противника, ведь немцы могут в один миг смести роту! Я начал горячо молиться Всемогущему Богу. У меня была с собой маленькая иконочка Казанской Божией Матери, которой благословил меня мой младший сын кадет Валентин, когда я с ним расставался. А ему этот образок подарил Великий Князь Константин Константинович — главный начальник всех военно-учебных заведений — во время посещения им Полоцкого кадетского корпуса. Я со слезами просил Божию Матерь «покрыть нас Своим Покровом». И странно... после этой горячей молитвы я стал совершенно спокоен, всецело положившись на волю Божию.

Из бесед с моими взводными командирами я вынес впечатление, что люди хорошо подготовлены и вполне сознают предстоящую задачу. Все четверо сказали мне, что они ручаются за своих людей: «не трусы и все стреляют отлично», но беспокоятся за прибывших накануне запасных солдат. Курьезно, что начальство прислало это пополнение в полк совершенно без ружей! Рассуждало тыловое начальство так: «После Гумбиненского боя полки

взяли тысячи немецких ружей и некоторое количество к ним патронов, значит — этими ружьями можно вооружить присланных без ружей запасных». Но начальство забыло, что, во-первых, Гумбинен остался далеко позади вместе со складом отнятых у немцев ружей (около восьми тысяч); во-вторых, к немецким ружьям нужны и патроны, а их было мало, и в-третьих, солдаты, как кадровые, так и запасные, обучались стрелять из русских, а не из немецких винтовки и т. д.

Грустную и немного смешную картину представляли из себя эти «дяди» — бородачи, в большинстве случаев многосемейные пахари, отвыкшие от строя. Я накануне, когда их прислали ко мне, долго и усиленно просил свое начальство лучше убрать их — безоружных из роты, назначенной для важной боевой задачи, если нельзя их вооружить. Но ничего из этого не вышло.

В три с половиной часа утра один из высланных вперед секретов дал мне знать, что в направлении Клейн-Энгелау слышно движение войск, но куда они направляются, за темнотой не видно.

Часа в четыре утра, когда стало рассветать и все было окутано густым речным белым туманом, со стороны противника ясно послышалось цоканье подков лошади приближающегося по шоссе всадника. Я приказал постараться снять его, не

стреляя, живым, чтобы звуком выстрела не выдать немцам нашего расположения. Но вышло иначе.

Не различая за густым туманом наших окопов, немец спокойно въехал в самую середину их (окопы вырыты были по обе стороны шоссе), увидал, куда он заехал... издал звук «ах» и сразу повернул коня, наклонив голову. Но в этот момент пуля кого-то из не вытерпевших наших солдат поразила его, и скоро он свалился с коня, а конь помчался в туманную даль...

Мне в окоп солдаты принесли каску убитого и маузер. Это был первый наш трофей! При рассмотрении найденной на убитом служебной книжки оказалось, что это был немецкий полевой жандарм.

Рассвет увеличивался. Лежащие вдали от речного тумана высоты и холмы стали яснее обрисовываться... Вдруг на одной из этих высот, на шоссе, показалась густая колонна пехоты, впереди ее ехали три всадника. Я приказал открыть огонь. Расстояние до этой высоты было точно измерено, и рота буквально смела эту колонну своим метким и частым огнем. Немцы в беспорядке бросились бежать во все стороны, очевидно не давая себе отчета, откуда посыпались тучи пуль!

Как важен был для роты, чисто психологически, этот первый успех! Нервное напряжение от томительного выжидания

противника сменилось у солдат прямо буйной радостью!..

Рассвело. Я взобрался на вышку сеновала над моим окопом и не отрывался от бинокля. Скоро я увидел, что немцы, около двух батальонов пехоты, наступают цепями и сзади колоннами (очевидно, третий батальон в резерве).

Сейчас же по телефону я сообщил командиру 1-й батареи подполковнику Аноеву, прося его открыть огонь по колоннам противника. «Корректировать огонь, — сказал я, — будем отсюда».

И вот, «затукали» и завыли очередями наши гранаты и шрапнели, летя через наши головы в сторону немцев. Мой наблюдатель, вольноопределяющийся Наумченко, с биноклем у глаз, сверху кричал мне о месте разрыва наших снарядов, я передавал это по телефону подполковнику Аноеву: «Правее! Еще правее!» или: «Ниже!», «Выше!», «Еще выше!», «Так хорошо!», «Еще! Еще!». Рота в это время держала точный прицельный огонь.

Таким образом, передние немецкие цепи были нами быстро рассеяны. Остановились и залегли и резервы их.

Но в бинокль видно было, что они рассыпали новые цепи и открыли по нам огонь. Жалобно засвистали немецкие пули и «затакал» их пулемет,

но пули летали беспорядочно, выше наших окопов, а пулеметные струи с визгом и стуком, как горох, ударялись левее нас в каменную стену соседнего, на холме, дома мельника, где я до этого боя провел несколько дней.

Вскоре открыла огонь сначала полевая артиллерия противника, нащупывая наши окопы, а затем и тяжелая, сосредоточив огонь по мосту и по западной опушке города. Шрапнели все чаще стали разрываться над самыми нашими окопами. Появились раненые. По ходам сообщения они переползали к перевязочному пункту. Первым убитым в роте пулею в лоб (моментальная смерть!) был ефрейтор Афанасьев, родной брат старшего унтер-офицера Афанасьева.

Часов в десять утра, под прикрытием огня своей артиллерии, немцы густыми цепями и колоннами поднялись и перешли в наступление, но рота и команда разведчиков открыли по ним такой убийственный огонь пачками, с точно измеренного расстояния, что немцы, понеся огромные потери, опять залегли.

В это время у меня случилось крайне неприятное замешательство с доставкой патронов.

Обеспечение роты патронами было возложено, как я уже упомянул, на фельдфебеля Нагулевича. Когда рота развила частый и даже пачечный огонь, запасы патронов в нишах окопов

быстро израсходовались. Уже после первой атаки немцев из всех четырех взводов ко мне стали присылать донесения, что половина патронов израсходована, а к концу второй атаки, что патроны кончаются. 107-й полк на мои просьбы по телефону скорее прислать двуколку с патронами отвечал, что уже выслана была двуколка, но при самом выезде, перед окопами, ездовой убит, а лошадь ранена.

Мои люди, которых я посылал к этой застрявшей двуколке с патронами, не возвращались... Потом узнал я, что двое из них по дороге были убиты, а один пропал без вести...

Взволнованный этой неудачей, я просил 107-й полк выслать другую двуколку. Кто-то по телефону оттуда обещал «сделать распоряжение». Я нетерпеливо ждал и страшно волновался за исход обороны. Немцы в это время усилили свой огонь, а рота стреляла редко, и патроны все не прибывали...

Потеряв терпение и боясь, что из-за этого вся оборона моста может «провалиться», я накинулся на своего фельдфебеля, грозя расстрелять его, если он сейчас же не наладит доставку патронов из 107-го полка. И вот, старый служака сам бежит через мост к западной опушке города, где был 107-й полк.

Там, как мне потом рассказывали троицкие офицеры, упал на колени перед командиром батальона капитаном Мартынцом и умолял дать

скорее патронную двуколку, иначе рота погибнет! Капитан Мартынец приказал заменить убитую лошадь, а двуколку с патронами дать фельдфебелю Нагулевичу. Таким образом он, лично правя лошадью, привез патроны через мост, под сильным огнем противника. Я расцеловал его за этот подвиг!

Быстро пополнены были запасы патронов во всех взводах, и рота возобновила сильный огонь по атакующему противнику.

Цепи противника пытались обойти наш правый фланг, где деревня, но я сейчас же давал знать об этом подполковнику Аноеву, и его батарея своим огнем выбивала их каждый раз оттуда! Вскоре дома здесь горели... Вместо меня на вышке сеновала корректировал теперь огонь батареи поручик Зубович.

Труднее выбить немцев было на левом фланге, в глубокой лощине с кустарниками, недоступной нашему обстрелу. Вот именно здесь, выдвинутый вперед своим гнездом, пулемет мог бы защитить мост от обхода. Я еще раз пожалел, что не дали мне пулеметов. 8-я рота 107-го полка по моей просьбе (по телефону) одним взводом обстреливала эту лощину, но это была стрельба на очень большое расстояние, более двух тысяч шагов.

Во втором часу дня немцы почему-то сразу прекратили ружейный огонь, их артиллерия тоже замолчала. В наших окопах слышались громкие

разговоры и даже смех. Огонь почти прекратился. Но что это?! Я вижу в бинокль, что противник густыми цепями и сзади колоннами двигается на нас шагом, выкинув впереди огромный белый флаг, и в передних цепях мелькают белые платки. Кто-то из моих солдат глупо крикнул: «Они сдаются!» Но я успел крикнуть в окопы: «Пачки, начинай!» — и бросился к телефону, прося батарею открыть огонь. Поручик Зубович корректировал этот огонь. Передние цепи с белыми платками упали и за ними идущие цепи были буквально скошены, и немцы, усеяв все поле впереди окопов убитыми и ранеными, остановились — залегли... Исчезли белые флаги... и даже огонь они открыли не сразу. Некоторые убитые лежали, а раненые корчились в шагах трехстах-двухстах от наших окопов...

Какую бурю восторга вызвал этот успех в роте! Какие шутки и смех слышались из уст солдат! Особенно во втором взводе старшего унтер-офицера Афанасьева. Этот богатырь — косая сажень в плечах — особенно умел держать в руках свой взвод.

Во время боя, когда тяжелые снаряды начали разрушать окопы и появилось много убитых и раненых, испуганные запасные «дяди» бородачи начали охать и плакать, как дети, а некоторые из них стали удирать и поползли из своего окопа по ходу сообщения... Двое из них приползли ко мне в

окоп... Когда увидели меня, стали прямо рыдать!.. «Ваше высокоблагородие! Ослобоните нас, увольте! Какие мы воители! У меня четверо детей! Ослобоните нас!» Сначала я бросился на них с револьвером, но потом опомнился. Я пристыдил их, напомнил о присяге, указав на молодых летамии солдат, почти детей, мужественно сражавшихся.

Грустно и досадно было видеть эту картину! Я приказал им вернуться на свое место и горнисту сопровождать их...

Командиру второго взвода старшему унтер-офицеру Афанасьеву я послал записку, укоряя его за беспорядок во взводе. И вот, как потом рассказали мне люди его взвода, Афанасьев, прочитав мою записку, освирепел! Кинулся к одному из этих храбрецов. «Почему ты, борода, прячешься, ползаешь, срамишь весь взвод перед ротным командиром, а не стреляешь в немцев, с... с...?»

«Да я не вижу их, господин взводный!»

«Ах, не видишь?..» — закричал Афанасьев и тут же высоко поднял его на своих могучих руках над окопом! Немецкие пули быстро засвистали близко... близко...

«Теперь видишь?!»

«Вижу, вижу, господин взводный», — отчаянно завопил «бородач» и сейчас же стал стрелять не только он, но и другие запасные, у

которых были винтовки, взятые у раненых и убитых солдат. Полная дисциплина водворилась во взводе! Да, с такими чудо-богатырями, как унтер-офицер Афанасьев, можно на войне чудеса творить!

С трех до пяти часов дня противник возобновлял яростные атаки, доходя почти до наших проволочных заграждений, но все атаки были ротой отбиты. Потери немцев увеличивались. Мы стреляли уже с постоянным прицелом.

Насколько силен был наш огонь на таком близком расстоянии, доказывает огромное количество расстрелянных в этом бою патронов (десять патронных двуколок: две своего и восемь 107-го полка); деревянные ствольные накладки корбились от раскаленных стволов ружей!

В это время поручик Зубович заметил в бинокль движение немецких колонн к северо-востоку, во фланг 25-й дивизии. Я сейчас же сообщил об этом первой батарее, и она очень удачно обстреляла эти колонны, совершенно остановив их движение к 99-му Ивангородскому полку.

Около пяти часов дня появился над нами немецкий аэроплан, стал кружиться и выбрасывать высоко над нами в синем воздухе какие-то серые змейки, яблочки и тому подобные условные знаки, очевидно указывая места расположения наших

окопов, моста и нашей артиллерии. И действительно, скоро немцы сосредоточили на нас весь свой огонь. Я стал бояться за мост: «чемоданы» разрывались все ближе и ближе к нему!

В это время из мостового караула прибежал ко мне саперный унтер-офицер и доложил, что провода из камеры для взрыва моста прерваны снарядами и, таким образом, взорвать мост при отходе будет нельзя. Я потребовал к себе штабс-капитана Фиттингофа, но унтер-офицер доложил, что он куда-то ушел из мостового окопа... Мысль об измене на мгновение мелькнула у меня в голове («Фиттингоф — немец!» Все мы тогда, в начале войны, заражены были этим подозрением), но я ее отбросил, сообразив, что штабс-капитан Фиттингоф, вероятно, первый заметил порчу проводов и лично принимает меры к исправлению, что потом и подтвердилось.

Но все-таки я заволновался. В приказе начальника дивизии мне определенно сказано, уходя, взорвать мост. Боясь ответственности, я по телефону донес начальнику штаба дивизии полковнику Радус-Зенковичу, что мост взорвать нельзя. После доклада начальнику дивизии об этом полковник Радус-Зенкович лично по телефону успокоил меня, сказав, что при отходе роты мост будет разрушен огнем нашей артиллерии...

Во время этих переговоров мне случайно пришлось подслушать разговоры штабных офицеров. По адресу моей роты была сказана фраза: «А эта уфимская рота, конечно, обречена в жертву»... Произнесено это было самым благодушным и веселым тоном, а в этот момент у меня творился ад! Окопы снарядами немецкой тяжелой артиллерии совершенно разрушались; земля тряслась от взрыва «чемоданов»; дым от загоравшихся вблизи сараев застилал глаза; пули жалобно-ласково пищали и пели уже над самыми окопами, а сверху посыпал нас дождь осколков и больших «козодуев» шрапнели!.. Число убитых и раненых увеличивалось. Крики и стоны тяжелораненых стояли в воздухе... Но почему-то на этот раз они не вызывали у меня сострадания, а только раздражали. Так, например, один солдатик-татарин приполз ко мне в окоп и, видно, сильно мучился от своего ранения: пуля попала ему в спину и застряла где-то около самого позвоночника; он визжал и плакал от боли, как ребенок, но я не только равнодушно, но даже с какой-то досадой смотрел на него, как на какую-то помеху, и думал лишь о том, как бы еще дольше не пускать немцев на мост... Сердце мое ожесточилось, и вот, словно в наказание мне за это, разрывается вблизи бризантный снаряд и контузит меня воздухом в правую половину головы... В

глазах потемнело, в ушах — звон... Я упал и на мгновение потерял сознание...

Когда очнулся, первая мысль была, что все потеряно, бой проигран, мы окружены немцами и отрезаны. Сейчас — плен... Я подло струсил, но... осмотрелся, пришел в себя и вижу: около меня возится поручик Зубович, прикладывая к моей голове компресс, а фельдшер дает выпить какое-то лекарство. Стало рвать желчью, но после рвоты я сразу почувствовал себя лучше. Поручик Зубович, вероятно чтобы ободрить меня, говорит:

— А наша артиллерия прямо чудеса творит, в бинокль видно, что все колонны немцев, направлявшиеся к 25-й дивизии, повернули сейчас на запад и скрылись.

— Ну, а мы как? Немцы сметут нас? — спрашиваю я мрачно, с тревогой.

— А вот, — отвечает Зубович, — только что я подслушал по телефону разговор штаба дивизии со 107-м полком и голос начальника дивизии: «А что, неужели Успенский все еще держится?!»

Как только услышал я про эту фразу, какую радость и удовлетворение я почувствовал! Исчезло малодушие, я совершенно воспрял духом! Я бодро встал и проверил наличие людей и количество патронов во всех взводах.

Благодаря усиленному огню немцев уже налаженная доставка патронов из 107-го полка

опять затруднялась.

Чтобы пополнить потери роты (особенно пострадал второй взвод унтер-офицера Афанасьева), я стал просить поддержки у командира 107-го полка, и он уже приказал выслать в мое распоряжение одну роту, но в это время от огня немецкой артиллерии загорелись у меня близлежащие здания и сараи, а главное, тяжелым снарядом сорвало вышку сеновала вместе с наблюдателем на землю, нас всех оглушило. «Убит, убит!» — закричали солдаты... Но вот из-за столба дыма, пыли, сломанных досок и осколков появляется вольноопределяющийся. Солдаты с хохотом закричали:

— Жив, жив!

— Жив, курилка! — ответил он. — Ваше высокоблагородие, немцы накапливаются справа у деревни и вдоль по реке пробираются к нам.

Я бросился к телефону, но в этот момент взрывом другого тяжелого снаряда разбивает весь окоп, где был телефон, засыпаются землей оба телефониста, а главное, разбивается сам аппарат, и, таким образом, связь со 107-м полком и 1-й батареей — порвана! Не успел я опомниться, как из мостового караула прибегает подчасок и кричит мне:

— Ваше высокородие, цепь противника пробирается сзади нас по берегу реки к мосту!

— Скорей откройте там огонь! — кричу я и в эту минуту быстро решаю прекратить оборону и отойти за мост, чтобы не очутиться без патронов, отрезанным от моста и от своих, и не попасть таким образом с ротой в плен к немцам.

План отступления у меня был обдуман заранее.

Я приказал первому взводу подпрапорщика Карпенко и мостовому караулу у реки, оставаясь в окопах, прикрывать огнем отход роты. Затем, воспользовавшись дымовой завесой от загоревшихся вблизи домиков и сараев, рота (три взвода) и команда разведчиков по ходам сообщения и вдоль тростников у ручья, под сильным огнем артиллерии переходит через мост...

Редкие пули летели к нам со стороны реки, где немцы по берегу пробирались к мосту, но сильного ружейного огня и общей атаки для преследования нас (как я ожидал и чего опасался) не произошло. Рота накапливанием постепенно собралась на заранее намеченный и укрытый от огня сборный пункт, недалеко от окопов 107-го полка.

Было часов семь вечера. Каждый взвод привел или принес с собой своих раненых.

Пока я выслушивал подробные доклады взводных командиров о действиях и о потерях в каждом взводе, благополучно прибыл и первый

взвод во главе со своим героем-командиром подпрапорщиком Карпенко.

Теперь только, после доклада и расспроса людей первого взвода, я понял, почему немцы совершенно не преследовали нас. Оказалось следующее.

Немцы, узнав о совершенном прекращении огня из наших окопов и видя горящие здания позади них, по-видимому решили, что русские ушли и окопы пустые, и двинулись вперед к мосту огромной беспорядочной толпой.

Карпенко, подпустив их совершенно близко, открыл со своим взводом в упор им сильный пачечный огонь, и вся эта толпа, как скошенная, полегла, а отчасти разбежалась. Продержав еще несколько времени огонь, подпрапорщик Карпенко благополучно отошел со своим взводом, потеряв несколько человек на мосту от флангового огня немцев, пробиравшихся все ближе, вдоль реки, к мосту. Мостовой караул у реки тоже снялся и присоединился к его взводу, как мною было приказано ему ранее.

Собрав, таким образом, всю роту, я в горячих словах поблагодарил и роту, и команду разведчиков 107-го полка за самоотверженность и храбрость, расцеловался с поручиком Зубовичем и наконец добрался с ними до окопов 107-го полка благополучно; а была опасность, чтобы троицкие в

начавшейся темноте не открыли огонь по нам, приняв нас за немцев, что в первых боях и бывало (как, например, в конце Сталупененского боя).

Не могу я сейчас забыть, как восторженно встретил нас 107-й полк: фуражки летели вверх, офицеры и солдаты кричали нам из своих окопов: «Уфимцы, ура! Уфимцы, молодцы! Шестнадцатая, ура!» Это была лучшая для нас награда! Измученные, землисто-зеленые, похудевшие за эти сутки лица и воспаленно-горящие глаза моих солдат и особенно унтер-офицеров прямо преобразились от этой неожиданной похвалы троицких — ближайших свидетелей нашего боя с немцами!

И действительно, все перипетии боя за мостом им были известны, потому что связь со штабом дивизии и с первой батареей 27-й артиллерийской бригады поддерживалась через 107-й полк.

В частности, ближайшими посредниками и свидетелями обороны моста были: участники этого боя командир первой батареи 27-й артиллерийской бригады подполковник Аноев (получивший за этот бой чин полковника); 107-го полка: начальник команды разведчиков поручик Зубович, получивший за этот бой георгиевское золотое оружие; командир второго батальона капитан Мартынец, поручик Хмелевский, поручик Александров, командир восьмой роты

штабс-капитан (фамилию его забыл) и штаба дивизии: поручик Лапекин и штабс-капитан (фамилию тоже забыл).

Как только рота влезла в солидные окопы 107-го полка, я по телефону сделал доклад командиру 107-го полка о ходе боя, о героических действиях команды разведчиков во главе с поручиком Зубовичем, о потерях и о том, что делается у немцев.

Потери моей роты выразились в восемнадцати убитых, двадцати восьми раненых и одиннадцати без вести пропавших. По докладу обо всем этом начальнику дивизии сейчас же последовал приказ 27 августа (ст. ст.) вечером: моста не разрушать, с рассветом 107-му Троицкому полку перейти в наступление, 106-му полку поддержать это наступление. Но приказ этот, ввиду общей обстановки, был заменен новым приказом: всей Первой армии продолжать отход на восток!

Стало темнеть. Артиллерийский огонь с обеих сторон не прекращался. Троицкие офицеры в своих окопах напоили меня чаем из «термоса». Чисто физически я «отошел», стало на душе легче, спокойнее. Чувствовалась удовлетворенность от всего пережитого и даже тихая радость от выполненного долга... Я отдыхал душой... Зарево близкого пожара освещало окопы...

Громкие раскаты смеха солдат привлекли мое

внимание. На лужайке, около окопов, паслись молодые козел и коза и старый козел. Какой-то шутник-солдат завязал старому козлу платком глаза, чтобы он не мешал молодому козлу ухаживать за козочкой. Старый козел «вслепую» старался мешать им и делал при этом уморительные и неудачные прыжки. Солдаты, как дети, забавлялись этим зрелищем и неудержимо хохотали, совершенно забыв всякую опасность от разрывающихся кругом снарядов. Таков русский солдат!

VI. Отступление

Под свист летящих и грохот разрывающихся снарядов немецкой артиллерии возвращался я в темноте со своей ротой к полку. Небольшую часть пути пришлось пройти через город Алленбург. Какое ужасное впечатление производит артиллерийский огонь в городе, да еще в темноте!

С каким треском и гулом среди узких улиц и дворов разрываются «чемоданы», гранаты и шрапнель и каким диким аккомпанементом этих разрывов служит непрерывный грохот и звон падающих и рассыпающихся каменных стен и оконных стекол, причем через пустые отверстия рам и дверей вырывается красными языками огонь горячей внутри обстановки!.. Впечатление

усиливается от окружающей темноты и полного отсутствия в городе и домах людей...

Средневековый тихий городок горел во многих местах. Семисотлетняя кирха в этом бою немецким огнем была разрушена, ее высокая стильная колокольня рухнула: немцы предполагали, что здесь наш наблюдательный пункт. Вообще город Алленбург сильно пострадал исключительно от немецких снарядов.

Уже была ночь, когда я с ротой достиг окопов своего полка. Артиллерийский огонь прекратился. Страшно усталые, измученные и потрясенные боем, мы все мечтали сейчас об отдыхе и сне!..

И как же велико было наше разочарование, когда мы застали наш полк, спешно снимающийся с позиции для следования в дальнейший «тыловой путь»!

Кратко доложив командиру полка о ходе боя за Алленбургским мостом и о потерях, я со своей ротой вступил на свое место в походной колонне.

И вот началось настоящее отступление!

Немцы, сняв с Марны, с французского фронта, для спасения Восточной Пруссии два свежих корпуса и отдельную кавалерийскую дивизию, разгромили Вторую Самсоновскую армию (генерал Самсонов застрелился) и теперь обрушились на нашу Первую армию: обойдя ее со стороны Мазурских озер, они главный удар нанесли в бою

у Лыка того же 27 августа. Вот почему наша дивизия, составлявшая арьергард, должна была 27 августа отступить, чтобы не быть совершенно отрезанной.

За эту великую войну я дважды пережил этот ужас и позорный — не скрываю — страх перед преследующим врагом! Ведь я лично видел в бою под Гумбиненом отступление немцев — Макензеневского корпуса! Я знал, какие ужасные потери несет отступающий и убитыми, и ранеными, и взятыми в плен... и я чувствовал, что подлое, мелкое чувство страха перед преследователем овладело всеми нами, начиная с высших начальников и кончая последним обозным рядовым!

Чем дольше длилось это преследование, чем ближе настигал нас враг, тем сильнее проявлялся этот страх: старые, дисциплинированные части не шли, а почти бежали не только по шоссе и дорогам, а часто и прямо без дорог!.. Это был необыкновенный по скорости и непрерывности (день и ночь) марш!

Казалось, вот уже ушли от артиллерийского огня, от разрывающихся «чемоданов» и шрапнели противника, и на время чувство спокойствия внедрялось в нас, но... вот опять над нами кружатся немецкие самолеты, бросаются с них бомбы и откуда-то с флангов летит и рвется над нами

шрапнель и гранаты и «такает» немецкий пулемет, поливая нас пулями. Это — немцы на грузовиках быстро подвозят несколько легких орудий и пулеметов, открывая огонь, и производят у нас не столько потерь, сколько паники!

Пока развертывается и высылает назад цепи пехотный арьергард, пока выезжает на позицию наша артиллерия, немецкие грузовики с орудиями быстро скрываются, чтобы выскочить и загородить дорогу отступающим войскам где-нибудь в другом удобном месте.

Все те города и местечки Восточной Пруссии, мимо которых при наступлении шли мы целых три недели, промелькнули теперь в течение двух-трех дней! Так мы быстро отступали!

На одном указателе дорог, среди перекрестка, немцы уже успели повесить плакат-карикатуру: от размаха огромного немецкого сапога с чудовищной шпорой летит в пропасть наш генерал Ренненкампф. Было и досадно и стыдно видеть это!

Погода пасмурная, все время дует сильный ветер. На душе тоже пасмурно... При минутной остановке у Тракененского конного завода, сирена-ветрометр жалобно воет нам: слышится в ее звуках не то похоронное пение, не то безотчетный плач детей...

За три дня с 29 августа по 1 сентября наш полк пережил этот кошмарный, отступательный

марш на протяжении ста двадцати километров и от фортов Кенигсберга докатился до Литвы (до реки Неман)!

Наша дивизия шла в арьергарде, но особенно крупных арьергардных боев вести не пришлось. Не знаю, чем объяснить, но немцы дали возможность почти всей Первой армии, что касается строевого состава, уйти благополучно; но зато в их руки попало большое количество обозов и всяких складов, в том числе и целый арсенал тех немецких ружей, кои взяты были нами в бою под Гумбиненом.

Когда наша дивизия проходила через Эйдкунен, огромный наш склад с продуктами еще не был вывезен: горы мясных и молочных консервов, сахару, рису, какао и тому подобных припасов, заготовленных для наших госпиталей, достались немцам.

Помню бой под Гросс-Колпакеном (северо-восточнее Даркемена), где немцы особенно насели на наш полк, шедший в арьергарде. Обороняясь, полк успел укрепиться в солидно вырытых окопах, на берегу речки, впадающей в реку Ангерап. Немецкие цепи встречены были сильным огнем наших пулеметов и ружей. Бой затянулся до вечера, когда от артиллерийского огня горели все близлежащие усадьбы...

Немцы первые начали отходить, но и мы

спешно свернулись и тоже стали уходить вместо того, чтобы преследовать врага! Все действия казались сумбурными, противными и тактике и стратегии! Почти все, и начальники, и подчиненные, в это кошмарное время стали нервными; пример тому — инцидент с капитаном Кемпинским (впоследствии застрелившимся). Командир полка сделал ему замечание, что после боя у Гросс-Колпакена его третья рота отходила в беспорядке...

Капитан Кемпинский схватился за револьвер и с криком: «Значит — я трус, я — трус?!» — тут же хотел застрелиться... Насилу его успокоили ближайšie офицеры и сам командир полка.

В бою под Гросс-Колпакеном погиб доблестный командир 107-го Троицкого полка полковник Трусевич. От разрыва гранаты взлетевший ком земли ударил его в ногу и пробил сапог: получилась кровавая ссадина на ноге. Казалось, такой пустяк! Но от засорения ссадины землей произошло заражение крови, так называемый «столбняк» — страшная болезнь, и полковник Трусевич в ужасных мучениях (конвульсии, когда человек сгибается в кольцо) скончался, оплаканный своим полком. Похоронен был в Вильно.

Так как в это время уже обошли левый фланг нашей Первой армии с юга, то от Гросс-Колпакена

полк изменил маршрут к северу на Сталупенен — Эйдкунен. К Сталупенену мы подходили темной ночью. Почему-то ожидали здесь найти немцев, шли со всеми мерами охранения.

Огромное зарево горящего города встретило нас. Я со своей ротой шел в головной заставе и первый въехал в город. Жуткое впечатление от горящих среди темной ночи домов целой улицы, треска падающих головешек и полного отсутствия людей!

Только сзади одного горящего дома, на высоком крыльце, с изумлением заметил я сидящую седую старуху-немку. Ее трагически-мрачную фигуру временами освещал отблеск пожара... «Что она переживает? — думал я. — Где ее семья? Почему она осталась? Что будет делать старая женщина, одна на пепелище пожара?..» И я невольно перенесся мыслью в Вильно, к своим. И моей семье война может грозить такими же переживаниями! Долго ли будем мы отступать? Ведь вот уже и граница скоро, а «тыловой» путь все ведет нас дальше и дальше, туда, на свою землю!

Осторожно, почти «перебежками», проходил полк вдоль этой узкой улицы Сталупенена, под летящими горящими головешками и искрами огня, чтобы выйти к мосту через речку.

Вот перешли мы границу. Опять мелькнули

мне в глаза неизменно стоящие столбы с немецкими и русскими гербами...

Только когда подошли мы к реке Шешупе, преследование наконец прекратилось; даже перестали мы слышать ненавистное нам жужжание немецких аэропланов.

Переправа через реку Шешупе (понтонный мост) в большом количестве собравшихся здесь войск очень затянулась. Например, нашему полку в ожидании своей очереди пришлось простоять в открытом поле, под сильным ветром и дождем, шесть часов. Я в одном кителе (свою шинель, при отходе, я забыл в окопе за Алленбургским мостом) сильно промок и озяб и старался согреться около своего коня Януса.

Перейдя через Шешупе, укрепились на его правом, высоком, берегу, недалеко от деревни Бартники, построив здесь солидные окопы, местами с двухъярусной обороной. Кругозор отсюда был великолепный, а главное — обстрел в сторону противника — очень хороший.

Простуда на переправе через Шешупе и, в особенности, контузия сказались у меня в виде тупой головной боли и повышенной температуры. По ночам я бредил, голова болела, и все время меня тошнило! Старший полковой врач отправил меня в ближайший полевой госпиталь в местечко Олиту. Пролежав там с неделю, я, перед отправлением на

фронт, с разрешения начальника госпиталя съездил в Вильно повидаться с семьей. Возвращался я на фронт вместе с командиром 4-го батальона подполковником Красиковым, тоже выздоровевшим после своего ранения.

VII. Второе наступление в восточную Пруссию

Окопная война. Неудачная ночная атака Капсодзе (17 октября).

За время моей болезни немцы, преследуя Первую армию, успели местами проникнуть довольно далеко в Литву, почти до Гродно. Это была с их стороны грандиозная и рискованная демонстрация, с целью отвлечь внимание и силы русских от Варшавского фронта. Но они натолкнулись здесь на энергичный отпор со стороны Десятой и нашей Первой армий. Генералы Флуг и Ренненкампф искусными маневрами и упорными боями заставили немцев уйти, а местами почти бежать обратно в Восточную Пруссию. Бои эти проходили в течение сентября и октября.

Вспоминается тот прекрасный сентябрьский солнечный день, когда мы с подполковником Красиковым подъехали на подводе к линии фронта. Издали видно было, как красиво в синем небе в виде светлых облачков рвались снаряды. Мы

явились в окоп командира полка. Приветливо, с улыбкой встретил он нас: «А я думал, что вы дольше будете лечиться! Ну, что в Вильно?» Я передал ему письмо и посылку от его семьи. Узнал про успешное продвижение опять к границе после удачного боя под Красно, где отличились наш и 105-й полки. В полку уже многими ротами командовали младшие офицеры, взамен убитых или раненых ротных командиров. Теперь наступление приостановлено, и идет «окопная война».

В сумерки пробрался я в окопы своего батальона и моей роты. Роте я привез много табаку, чему чрезвычайно обрадовались мои солдаты, курившие, за отсутствием махорки, просто траву. Когда наступала полная тишина, солдаты вылезали из окопов размяться, «оправиться» и т. д. Окопы немцев были очень близко. Обидно было, что у нас строжайше запрещено было разводить в окопах огонь, в то время как у немцев мы видели и огни, и дым.

Словно по взаимному соглашению, с темнотой совершенно прекращался ружейный и артиллерийский огонь. Слышно было, как к немцам подъезжали полевые кухни.

Окопы наши были самого примитивного устройства, местами на болоте, так как окопались там, где немцы остановили наше наступление.

Временно командовавший моей ротой

младший офицер 15-й роты подпоручик Жук рассказал мне обо всех новостях в полку, о последних боях, о наградах и т. д. Фельдфебель Нагулевич доложил мне подробно о службе роты за мое двухнедельное отсутствие, об убитых и раненых. Оказалось, по счастью, что все унтер-офицеры были живы и налицо, кроме подпрапорщика Карпенко, командированного в штаб корпуса за запасными, и вольноопределяющегося Наумченко, командированного в школу прапорщиков: уже чувствовался недостаток в кадровых офицерах и принимались меры к замещению их.

Утро было пасмурное. Наша полевая артиллерия первая открыла огонь по висевшей высоко за немецкими окопами «колбасе» — аэростату с корзиной, где сидел корректор-наблюдатель, дававший знать своим о малейшем нашем движении. Видно было, как близ этой «колбасы» на фоне темной тучи красиво вспыхивали ватные облачка нашей шрапнели. Немцы в ответ посылали «чемоданы».

Я никогда в жизни не забуду впечатления от разрыва этих «чемоданов». Сидишь себе в этом грязном, холодном окопе. Слышишь где-то у немцев тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает звук приближающегося снаряда, режущий воздух, и хрипящий звук «хрр-о-о...»

где-то высоко в небе, все увеличивающийся, ближе, ближе и все ниже!.. На мгновение этот звук замирает... с ним вместе замирает наш слух и наше дыхание... и затем: «гра-а-ах!» — взрыв! Трясется земля! Дух захватывает от сотрясения воздуха! Видишь огромный столб земли, дыма и огня, высоко поднявшийся к небу, разрушивший все, что было живого и неживого на месте взрыва...

Впечатление от рук, ног и прочих частей человеческого тела, разбросанных после взрыва этого снаряда — невыносимо для человека, оставшегося в живых. Душу раздирающие крики и стоны тяжело раненных снарядами людей завершают его страшный эффект!

Правда, бывали случаи, когда разрывом «чемодана», попавшего в окоп, никто не был убит, а только потом находили иногда несколько людей, засыпанных землей, с почерневшими лицами, причем из земли торчали только руки и ноги... Их быстро откапывали и приводили в чувство. Но вообще, моральное влияние на психику бойцов от этих разрывов было очень сильное!

Вспоминается по этому поводу один эпизод. Штабс-капитан нашего полка А. И. так боялся этих разрывов, что иногда падал в обморок. Один раз, на ночлеге в хате, где он спал, стукнули дверь. Приняв этот стук за разрыв «чемодана», штабс-капитан как безумный вскочил с кровати и

опрометью выбежал из хаты и только на дворе, увидев денщиков, мирно поджаривавших себе на ужин у костра индюка, опомнился.

Но недаром он так боялся. Вероятно, у него было роковое предчувствие, и он погиб именно от «чемодана»!

Уже в декабре месяце. в одно морозное раннее утро, когда еще не открыт был огонь, неожиданно откуда-то с фланга немецких окопов раздался одинокий выстрел, прилетел «чемодан» и буквально разорвался на несчастном штабс-капитане.

Он в этот момент, высунувшись из своего окопа, кричал — «разносил» за что-то одного солдата! Все мы были поражены этой смертью!

Роковое предчувствие сбылось!

Как было обидно, что немцы могли нас прямо «засыпать» своими снарядами, а у нас в первых же боях с ними не только не было тяжелой артиллерии, но и легкая — полевая — все время «экономила» снаряды.

Вообще, громадное огневое превосходство было на стороне немцев именно благодаря их более многочисленной артиллерии. Вот почему мы проигрывали бои в Восточной Пруссии под Узда и Бишофсбургом (13/26–15/28 августа) и, особенно, в бою под Сольдау 15/28 августа.

В этих боях, как теперь стало известно и по

немецким источникам, у немцев участвовало число батарей в несколько раз более, чем у нас, например, в бою у Бишофсбурга на наши восемь батарей — сорок немецких, а в бою под Сольдау на наши шесть батарей — тридцать девять немецких!

Началась «окопная» война. До сих пор мы вели наступательные бои против немцев, стараясь скорее вытеснить их из нашей территории. Немцы, упорно сопротивляясь, наконец остановили наше наступление. И та, и другая сторона на месте боя (наша дивизия у местечка Капсодзе, недалеко от границы) окопались, зарылись в землю.

Какое это унижение для воина, зарыться в землю! Какая подавленность духа от сознания, что ты обратился в крота!..

Приказы свыше продолжать наступление «тихой сапой»... мало воодушевляют. Малейшее наше продвижение вперед ночью, при помощи выкопанных окопов, сейчас же замечалось немцами...

Вновь вырытые окопы с переползшими туда русскими с рассветом буквально засыпались немецкой артиллерией на таком близком расстоянии, с большими для нас потерями.

Каждый вечер, с темнотой, посылали мы к немецким окопам разведку. Уже было выяснено, что у немцев двойные окопы: в передних окопах ночью только полевые караулы по пять-шесть

человек от роты и пулеметы, а сзади в окопах — полки. Видна забота о сохранении сил для боя! У нас же — все впереди, все в напряжении — почти никаких резервов — нет заботы о сбережении сил.

Напрягаю память и не могу отличить день от дня этого сиденья в окопах, так однообразно оно было! Подавленность духа вследствие огневого превосходства немецкой артиллерии и чувство плена... Чуть высунулся — свистит пуля, да еще разрывная, вопреки всякой Женевской конвенции, подписанной немцами! Эта пуля издает двойной звук: от удара и от разрыва, а рана от нее ужасная! Наши солдаты, обозленные этим, потихоньку от начальства начали спиливать острую пулю, чтобы тупым концом наносилось большее ранение!

На одну «очередь» нашей батареи немцы отвечают десятью: шрапнелью и гранатой по нашим окопам, а «чемоданами» по резервам и штабам. Но иногда тяжелый снаряд попадал и к нам. Мы научились сразу по звуку узнавать «чемодан», летящий к нам, а не в резервы. Какой бы крепости блиндажи мы ни строили для своей защиты, «чемодан» все пробивал, и воронка после него годилась для помещения двадцати-тридцати человек! Но зато какой восторг и смех вызывал у солдат «чемодан», если он, ударяясь, «чмокал». Это значило, что он почему-то не разорвался, попав, например, в болото.